

А. В. Циммерлинг

*Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина/ Институт
языкознания РАН / Московский педагогический государственный университет
(Москва, Россия)
fagraey64@hotmail.com*

ВОСТОК ЕСТЬ ВОСТОК? ПЕРЕВОДНЫЕ И ОРИГИНАЛЬНЫЕ ГРАМОТЫ ПОСОЛЬСКИХ КНИГ ИВАНА III*

В статье обсуждаются лингвистические характеристики крупного массива памятников делового стиля старорусского языка — посольских книг Ивана III. Посольские книги Ивана III не являются однородным в языковом отношении собранием текстов, поскольку к оригинальным текстам, написанным на идиоме Великого княжества Московского, без существенной правки добавлялись присылавшиеся в Москву оригинальные грамоты, написанные на других восточнославянских идиомах и диалектах старорусского языка, а также переводные документы, составленные писцами-билингвами. Переписка и переговоры с Литовским государством при Иване III и позже велись без переводчика, что позволяет установить по посольским книгам Москвы характерные синтаксические особенности как идиома Великого княжества Московского, так и того идиома Великого княжества Литовского, который использовался в дипломатической переписке. Параметризация грамматики русского языка конца XV в. позволяет определить границы варьирования в каждом из двух данных основных идиомов посольских книг и охарактеризовать ряд других идиомов. Лингвистический анализ подтверждает свидетельство посольских книг о том, что в 1501 г. кафинский посол Алакозь привез в Москву две грамоты русского письма: эти две грамоты были написаны на староукраинском языке в самой Кафе. Характерная особенность северо-западного диалекта обнаруживается в присланной из Ивангорода в июне 1505 г. переводной грамоте, записанной Дмитрием Щербатовым. На основании лингвистических и исторических данных переводчик этой грамоты может быть отождествлен с русским книжником новгородского происхождения Дмитрием Герасимовым. Варьирование параметров старорусской

* Работа написана при поддержке проекта РФФИ 17–04–00444, реализуемого в МПГУ. Я благодарю А. В. Дыбо и Л. В. Мошкову за замечания и за консультацию. Ответственность за все недочеты несет автор.

грамматики в ряде случаев полнее отражено в переводных грамотах, поскольку билингвы — носители татарского языка — в большей степени, чем авторы оригинальных грамот, ориентировались на узус младшего поколения на фоне происходивших в московском диалекте синтаксических сдвигов.

Ключевые слова: русский язык XV в., Великое княжество Московское, Великое княжество Литовское, посольские книги, параметрическое варьирование, порядок слов, клитики, связки, плюсквамперфект, идентификация писцов, Дмитрий Герасимов.

*Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet
Till Earth and Sky stand presently at God's great Judgment Seat.*

1. Посольские грамоты Ивана III. Свое и чужое

Баллада Кипплинга, цитата из которой использована в заглавии, — о том, что хотя Запад есть Запад, а Восток есть Восток, их представители порой вступают в диалог и договариваются. Поэт не уточняет, на каком языке общались его герои. В Великом княжестве Московском (далее — ВКМ) при Иване III (1462 — 1505) и его преемниках с основным внешнеполитическим противником — Великим княжеством Литовским (далее — ВКЛ) говорили на том же языке: различия между идиомами ВКМ и ВКЛ были не столь велики, чтобы прибегать к переводчику¹. К эпохе Ивана III относятся четыре книги дипломатических сношений с иностранными державами, являющиеся не только важнейшими историческими источниками [Бантыш-Каменский 1808/1893; Рогожин 1994], но и рубежными памятниками старорусского языка, запечатлевшими нормы приказного стиля в массиве текстов беспрецедентного для своего времени объема и сложности. Близость идиомов ВКЛ и ВКМ создает обманчивое ощущение языковой однородности посольских книг и оказывает русистам медвежью услугу: раз составители посольских книг Москвы *de facto* подтвердили, что политические конфликты не переносятся на язык, объединив грамоты Литвы и Москвы в своих книгах, зачем искать разнობой? Это иллюзия: различия между идиомами писцов не столь эфемерны, чтобы из них нельзя было извлечь исторически ценной информации об условиях написания и обработки грамот. Лингвистическая специфика переводных грамот с татарского тоже не вполне освоена, их полноценного сравнения с оригинальными московскими грамотами до сих пор не проведено. Между тем, татарские грамоты посольских книг Ивана — это, по большей части, тексты, переведенные билингвами на идиом ВКМ. Сравнив их с оригинальными текстами, написанными на ВКМ в тот же период, мы получаем уникальную информацию о границах варьирования русского языка в ситуации многоязычия и интерференции диалектов конца XV в.

¹ Напомним, что западная граница ВКМ к началу сохранившейся переписки с ВКЛ (1487 г.) проходила между Можайском и Вязьмой, а последний город отошел к ВКМ лишь по мирному договору 1494 г. Об обстоятельствах его заключения подробно рассказывают посольские книги Ивана III.

1.1. Книги и грамоты. Филология и лингвистика

Дошедшие до нас посольские книги содержат не только окончательные тексты мирных договоров и их проекты, но и *вѣрющие* (верительные), грамоты, *памяти* (инструкции для послов), а также заготовленные и произнесенные речи, протоколы переговоров, донесения, записки и справочную информацию². Под ‘посольской книгой сношений с X-ом’ здесь и далее, если не оговаривается обратное, имеется в виду тематическая подборка посольских грамот и массив текстов, а не книга в техническом смысле слова как переплетенный и сброшированный кодекс. Не установлено, в какой форме хранились подборки посольских грамот в конце XV в. и оформлялись ли они как кодексы при жизни Ивана III. Выдвигались аргументы в пользу того, что оформление посольских книг как кодексов относится к началу правления сына и преемника Ивана III, Василия III (1505 — 1533), см. [Мошкова 2017а; 2017b]. По мнению Л. В. Мошковой, исследовавшей рукописи посольских книг в Российском государственном архиве древних актов, водяные знаки обычно указывают на начало XVI в. как на время создания кодекса, но иногда допустима и датировка концом XV в. В самых крупных книгах — Крымской (1474 — 1505 гг.), РГАДА, ф.123, оп. 1, № 1, 2, 4° и первой Литовской (1487 — 1500), РГАДА, ф.79, оп.1, № 1, 4°, — явных почерковых швов нет³ [Мошкова 2017б: 237 — 238]. Текст Литовской книги редактировался, в ней заменялись и добавлялись не только отдельные грамоты (см. л. 197), но и целые тетради [Там же: 238]. В Ногайской книге (РГАДА, ф.123, оп. 1, № 1, 4°) есть один почерковый шов, который проходит по л. 33 и разделяет события весны 1497 г. и ноября 1501 г. [Там же: 237]. В Имперской книге (РГАДА, ф.32, оп. 1., № 1, 8°) есть интерполяция — после л. 167 (1509 г.) вставлены листы о сношениях Москвы с Венгерским королем Матвеем Корвином (л. 168 — 202), относящиеся к 1488 г., ср. издание [ПДС 1: 159 — 171]. Л. В. Мошкова делает вывод о том, что общее количество почерков в посольских книгах пока не поддается определению, а идентифицировать писцов при помощи одних кодикологических и палеографических методов нельзя [Там же: 240]. Тем не менее, она выдвигает гипотезу о том, что посольские книги не переписывали с более ранних оригиналов, а «именно составляли — т. е. подбирали и копировали документы» [Там же: 242].

Правомерно поставить вопрос: можно ли доказать или опровергнуть вывод Л. В. Мошковой лингвистическими методами? Для того, чтобы доказать, что составители посольских книг Ивана III включали в них оригинальные тексты, нужно

² Ср., например, добавленную к самой первой грамоте Имперской книги справку о том, как выбирают императора Священной Римской империи: она начинается словами «А се написано памяти для. *Выбирають на цесарство на римское цесаря три свѣтскихъ, а три духовныхъ...*» [ПДС 1: 13].

³ Ср.: «Явных почерковых швов в этой <Крымской. — А. Ц.> книге не обнаружено. Смена исполнителей происходит постепенно и в конце книги преобладают другие почерки, а не те, которыми написано ее начало» [Мошкова 2017б: 238].

доказать, что разные грамоты посольских книг представляют неидентичные языковые идиомы. Шанс установить это возникает в двух случаях:

- (i) Язык грамот Ивана III, написанных на московском диалекте, отличается от языка грамот, написанных на других диалектах, в том числе, на идиоме ВКЛ.
- (ii) Язык оригинальных московских грамот Ивана III отличается от языка переводных московских грамот, составленных московскими переводчиками-билингвами.

Настоящая статья является первой попыткой проверить гипотезы (i) и (ii). Возникает второй, технический, вопрос, какие именно аспекты языковой структуры нужно проверять в первую очередь при отсутствии критических изданий памятников. Наш ответ — морфосинтаксис и лексику. В дальнейшей части статьи примеры из посольских книг Ивана III приводятся в орфографии изданий XIX в. [ПДС 1; 35; 41; 95], за вычетом десятиричного *i*, которое заменяется на обычное *и*⁴.

1.2. Свои и чужие. Восток и Запад

Своеобразие языковой ситуации состоит в том, что при Иване III переговоры и переписка ВКМ с главным противником — ВКЛ — шла без толмачей и письменных переводчиков, так как идиомы ВКМ и ВКЛ были взаимопонятны. Напротив, переговоры с главным союзником, Крымским ханством, а также с союзниками потенциальными — Ногайской Ордой, Турцией и Священной Римской Империей — шли через толмачей: переговаривающиеся стороны либо прибегали к услугам билингов, знавших русский и татарский язык, либо к языку-посреднику, в роли которого при переговорах с Римской Империей выступал латинский язык. Основной политический конфликт, стоящий за всем этим массивом текстов, тем самым, связан с линией Запад vs Восток, хотя конфликтующие стороны говорили на одном языке. Точное определение этого языка тоже связано с конфликтом, но уже не между державами XV в., а между современными филологами.

Первая грамота в переписке с Крымской и Ногайской Ордами, Турецким и Кафинским султанами — инструкция (память) послу Никите Беклемишеву, ездившему в Крым для заключения союза с ханом Менгли-Гиреем, — датируется мартом 1474 г. [ПДС 41: 1]. Первая грамота в переписке со Священной Римской Империей

⁴ Как мы могли убедиться по фотокопиям РГАДА, сам по себе знак десятиричного *i* в рукописях посольских книг был. Но чтобы убедиться, что знак *i* в изданиях XIX в. в каждом случае соответствует *i* в рукописи, нужно сверять все посольские книги в полном объеме. Аналогичная трудность связана с буквой *я* в изданиях XIX в., хотя обычно, как показывают рукописи, *я* в изданиях посольских книг передает *я*. Что касается конечного *ь* в изданиях XIX в., оно часто набирается после выносных букв конечных твердых согласных *л*, *н* и т. п. рукописи. Но порой конечный *ь* выписывался писцами полностью, ср. *не мogle бы твоeи млѣти* в начале Имперской книги на л. 3.

и Венгрией — переговоры с послом Николаем Поплевым (Николаусом Поплау) в Москве, — датируется 1488 г. [ПДС 1: 35]. Первая грамота в переписке с Великим княжеством Литовским — посольство князя Тимофея Мосальского в Москву — датируется октябрём 1487 г. [ПДС 35: 1]. Наиболее интенсивной была переписка с главным противником, Великим княжеством Литовским, и главным на тот период внешнеполитическим союзником — Крымским ханством.

1.3. Идентификация авторов

В дальнейшем изложении сведения о возможных авторах и переводчиках грамот обсуждаются в перспективе уточнения лингвистических особенностей посольских грамот и языковой ситуации конца XV — начала XVI вв. В отдельных случаях принятое в посольских книгах протокольное перечисление членов посольств, приставов и толмачей помогает идентифицировать лиц, упоминаемых в других частях книг. Многие дьяки, подьячие, приставы и отдельные переводчики параллельно упомянуты в локальных актах и иных памятниках [Зимин 1988; Корзинин, Сосницкий 2018]. В то же время отсутствие унификации именований и разные варианты обозначений одного и того же лица, зафиксированные посольскими книгами, порой делают отождествление писцов, переводчиков и действующих лиц труднодостижимым. Эти проблемы обсуждаются далее в разделах 4—6 и 7.4—7.5 на примере упоминаний Дмитрия Герасимова, Кулпы Аксентьева и других лиц, благодаря которым возникали и передавались посольские грамоты.

2. Язык Великого княжества Литовского и посольские грамоты

Язык ВКЛ, в зависимости от избранного подхода, может определяться как койне, связанное с юго-западными (= «староукраинский язык») или западными диалектами (= «старобелорусский», «западный диалект позднерусского языка» [Соболевский 1980: 71; Stang 1935; 1939], либо как особый язык (= «русинский», «руска мова»), см. [Иванов 2003]. Происхождение большинства писцов неизвестно, но сохранилось много локальных актов XIV — начала XVI в., связанных с Полоцком, ср. критическое издание [Хорошкевич 2015, I]. Язык полоцких грамот (далее ПГ) близок к языку посольских грамот литовской стороны, что едва ли удивительно. В качестве послов и в составе посольств ездили Ян Заберезинский⁵ (см. ПГр №№ 256, 256а, 257, 258, 263, 264, 267, 295, 308а, 322, 323, 396, 400, 411а, 423, 462б, 464а в составе упомянутого издания) и Станислав Глебович⁶ (см. ПГ №№ 21, 91, 153, 193, 295а, 327, 345, 353, 358, 362, 369 — 375, 379, 380, 383, 389, 390, 393, 396, 402 — 403а, 405, 408а, 410, 414б, 418, 428 — 431а, 434в, 437, 440,

⁵ Полоцкий наместник в 1484 — 1486 гг. См. о нем [Хорошкевич 2015, II: 185].

⁶ Полоцкий наместник в 1501 — 1513 гг. О нем и о связанных с ним полоцких актах см. [Хорошкевич 2015, II: 234 — 235, 349, 392].

449 — 455, 457, 462, 462в, 464 — 468, 471, 474, 477, 479 — 481, 482а), в разные годы державшие полоцкое наместничество, зять Станислава Глебовича, магнат Ян Сапега (*Иван Семенович*, он же *Ивашко Сопѣжыч*⁷), полоцкие бояре и дворяне. Вполне вероятно, что их речи писали те же писцы, которые оформляли для них локальные акты.

Характерными особенностями грамот литовской стороны, соответствующих узусу полоцких грамот того же периода, являются форма союза и местоимения *што* при московском *что* и южнорусском (староукраинском) *що*, а также частое употребление союзов *штобы* и *штоже*. Используются отсутствующие в грамотах московской стороны союзы *ижбы* и *ажбы*, а также спрягаемые формы аориста глагола *быти* — *быхъ*, *быхмо* и т. д., в том числе — после начального союза *а*: *абыхъ* и т. д. Эти и многие другие черты идиомы ВКЛ отражают влияние польского языка. Имеются бесспорные полонизмы в области лексики, в том числе — использование слова *лист* в значении ‘грамота’, *жадный* в значении ‘ни один’ и т. п.

Маловероятно, чтобы варьирование формы связки 1 л. мн. ч. или произношение начальных согласных в союзе *что* как /ч’т/ ~ /ш’т’/ ~ /шт/ серьезно затрудняло переговоры. Для признания идиомы ВКЛ и идиомы ВКМ в массиве посольских грамот разными языками ничуть не больше оснований, чем для признания новгородского диалекта XI — XV вв., фонетика и грамматика которого детально описана в [Зализняк 2004], отдельным языком, отличным от древнерусского. Некоторые писцы и переводчики посольских грамот могли быть новгородского происхождения, см. наблюдения над почерками первых писцовых книг в [Мошкова 2017б: 235], но это — тема, заслуживающая специального обсуждения.

3. Есмо vs есмя, есме, есмы

Форма связки 1 л. мн. ч. в памятниках XIV—XVI вв. отражает распределение диалектов позднерусского и старорусского периодов.

3.1. Полоцкие грамоты, посольские грамоты и Литовская Метрика

В написанных в Полоцке локальных актах 4 раза встречается диалектная северо-западная форма 1 л. мн. ч. *есме* (ПГ №№2, 52 и 162), еще один пример обнаруживается в рижской грамоте 1405 г., связанной с Полоцком (ПГ №49). В посольских грамотах литовской стороны этой формы нет, обобщено употребление формы 1 л. мн. ч. *есмо*.

В полоцких грамотах ВКЛ и Литовской Метрике 1479 — 1506 г. [LM 4; LM 6] нет формы 1 л. мн. ч. *есмя*, которая, как показано в [Молдован 2020], развилась из *есме* в якающих центрально-великорусских диалектах конца XIV — XV вв. В посольских грамотах литовской стороны она встретилась несколько раз, что можно объяснить ошибками московских писцов, переписывавших литовские грамоты.

⁷ О Иване Семеновиче Сопега и его полоцких связях см. [Хорошкевич 2015, II: 251, 291].

3.2. Посольские грамоты ВКЛ

В переписке с Крымом и Ногайской Ордой форма *есмя* обобщена, в том числе — в речах татарской стороны, зато в грамотах московской стороны западная форма *есмо* вместо ожидаемого *есмя* встречается несколько раз в контексте пересказа слов литовской стороны. Этот курьез можно объяснить двояко — либо небрежностью переписчика, либо этикетным копированием предшествующего текста, подтверждающим, что московская сторона точно поняла (*дополна розумѣла*) обращенные к ней речи. Вероятность данных гипотез определяется местом *есмя* в грамоте ВКЛ. Спорадические случаи употребления *есмя* вместо ожидаемого *есмо* в преамбуле речи или грамоты ВКЛ (ср. *Перво сего до тебѣ есмя посылали пословъ своихъ великихъ* [ПДС 35: 14]) при 7 примерах *есмо* в той же литовской грамоте 1488 г. легче объяснить небрежностью московского переписчика, в то время как спорадически встречающееся *есмя* в пересказе речей литовской стороны может быть этикетным копированием. Полное отсутствие *есмо* в переводных татарских грамотах, включенных в посольские книги Ивана III, подтверждает, что переводчики, записавшие эти грамоты, не имели отношения к идиому ВКЛ.

Церковнославянской / южнорусской формы 1 л. мн. ч. *есмы* в массиве переписки с Литвой нет. В полоцких грамотах она зафиксирована несколько раз (№№ 1, 11, 16, 474), но бесспорных примеров в текстах XV в. нет⁸. Об употреблении формы *есме* в уникальной переводной грамоте ВКМ, составленной Дмитрием Щербатым [ПДС 1: 128], см. ниже раздел 7.5. Как и в других позднерусских и старорусских памятниках, спорадически встречается недифференцированное употребление *есмы* в значении 1 л. ед. ч. (= *есмь, есми*), т. е. эффект отвердения конечного — *м'* с аналогическим распространением финали —*мы* на ед. ч., см. об этом [Молдован 2020]. Ср., например, один раз встретившееся *есмы* = *есми* в переводе

⁸ Полоцкая грамота №1 (грамота князя Гирденя), где в предложении *какъ миръ есмы створил(и)* представлено *есмы*, датируется 1263 г.. Она сохранилась в том же списке XV в., что полоцкая грамота №2 (1264–1267 гг.), где зафиксировано *есме*: *Чего са есме штступили въ | Ризе*. Полоцкая грамота №11 (ок. 1370 — 1377 или 1381 — 1387 гг.) сохранилась в поздних списках латинским письмом, предположительно сделанных с копии конца XVI в. В этой грамоте по одному разу представлены *есмы* — *Daly iesmy Fe|doru i synu jeho Dmytryiu* и *есмо* — *A | tomu setu welyty iesmo y rubesz zarubity od reki od Berezwiaczzy*. Полоцкая грамота №474 (уставной привилей Сигизмунда Старого мещанам г. Полоцка, 1511 г.) дошла до нас в списке XVII в. и обнаруживает те же колебания: 1 раз встречается форма *есмы* (*A так, як есмы были с п(а)ны радами | нашыми*) и 2 раза — стандартное для идиома ВКЛ *есмо* (всего более 400 примеров в массиве полоцких грамот): *a потом в той речи возъвали есмо | их перед нас и при том есмо их зоставили*. Систематически *есмы* вместо *есмо* встречается лишь в одном тексте XIV в. — жалованной грамоте короля Владислава-Ягайло литовскому князю Скиргайлу (28 апреля 1387 г.), сохранившейся в подлиннике: в этом памятнике *есмы* встречается 5 раз. Тем самым, форма *есмы* в полоцких памятниках XV в. не документирована вообще. Три примера *есмы* в памятниках до и после XV в. могут быть подлинными (что особенно вероятно для ранней грамоты князя Гирденя, относимой к 1263 г.), но не относятся к тому же самому идиому ВКЛ, на котором написаны прочие полоцкие грамоты и все посольские грамоты.

речей Николая Попплевы в 1488 г. в начале Имперской книги [ПДС 1: 11] при двух примерах стандартной для идиома ВКМ формы 1 л. ед. ч. *есми* в соседних предложениях. Так же в подорожной пристава Кулпы Аксентьева, написанной от имени Ивана III и включенной в ту же Имперскую книгу ближе к ее началу: *послалъ есмы съ Юриемъ съ Грекомъ въ Нѣмцы Кулпу Оксентьева* [ПДС 1: 23], далее следуют четыре примера *послалъ есми*. Данное явление, равно как архаизирующее употребление форм 1 л. ед. ч. *есмь* и *есмъ* вместо стандартной формы 1 л. ед. ч. *есми* в переводных грамотах — например, в других речах Николая Попплевы (под 1490 г.) *радъ есмъ да и готовъ есмъ всякъ часъ* [ПДС 1: 56] — нуждается в более детальном изучении.

3.3. Ипатьевская летопись

Колебания между формами *есмы* и *есме* обнаруживаются в Ипатьевской летописи — памятнике южнорусского происхождения, в XV в. переписанном в Северо-Западной Руси, по одной из гипотез — в Псковской земле [Зализняк 2007: 103]. По подсчетам А. М. Молдована [2020: 184–187], на 50 случаев употребления в 1 л. мн. ч. *есмы* (включая 2 примера в составе *нѣсмы*) в «Повести временных лет» по Ипатьевскому списку и в Киевской летописи приходится 12 примеров формы *есме*. Такую пропорцию легче всего объяснить тем, что северо-западное *есме* в диалекте переписчика XV в. наложилось на южнорусское/литературное *есмы* в антиграфе. Однако точное распределение конкурирующих форм в Киевской летописи еще ждет своего объяснения. В нескольких случаях колебания либо внесенные при переписывании искажения обнаруживаются в пределах одного абзаца, см. диалогические фрагменты Ипат., л. 127 (под 1147 г.), л. 136 (под 1149 г.) и л. 193 (под 1170 г.).

- (1) и ре^а имь. се **есмы** поуть замыслили великъ. а то есть оутвержение дѣдъ наши^х вѣдъ наши^х хр^ѣтъ **есме** цѣловали. а извѣстимса и ѣще. ако на семь пути. ни тажи. имѣти ни котороже извѣта (Ипат., л. 127, под 1147 г.);
- (2) и нача молвити Мьстиславъ брати свои. се бра^ѣе Половцемъ **есме** много зла створили. вежѣ ихъ поймали **есмы** дѣти ихъ поймали. **есмы**. и стада и скоть (Ипат., л. 193, под 1170 г.).

Обращает на себя внимание, что *есме* в Киевской летописи часто встречается в клишированных фрагментах, включая формулу ‘мы целовали крест’. Кроме (1), сюда относятся еще два примера из тех же речей: *хр^ѣтъ бо есме цѣловали к тобѣ* (Ипат., л. 127, под 1147 г.), *бра^ѣ цѣловали есме кр^ѣтъ къ Стѣславоу Сѣлговичю* (Там же), также: *а мы есме к тобѣ хр^ѣтъ целовали с тобою быти* (Ипат., л. 136, под 1149 г.). В непосредственном соседстве с последним примером дважды повторяется и вариант с *есмы*: *хр^ѣтъ есмы цѣловали яко вси^и намъ быти за вдинь... тако ти молвить Изаславъ бра^ѣ твои хр^ѣтъ есмы бра^ѣ на то^и целовали вже быти вамъ со мною* (Ипат., л. 136 об., под 1149 г.). К клишированным сочетаниям в первом диалогическом фрагменте (диалоги, связанные с действиями князя Изяслава

в 1147 г.) следует отнести также конструкцию не книжного плюсквамперфекта с *быль*, ср. *а оуже брате. кде есме были доумали* (Ипат., л. 127), поскольку она предполагала фиксированный порядок связочных энклитик [Зализняк 2008: 40; Циммерлинг 2019б].

3.4. Есме в полоцких грамотах

Из пяти встретившихся в полоцких грамотах примеров употребления формы 1 л. мн. ч. *есме* два связаны с грамотой середины XV в., сохранившейся в подлиннике:

- (3) Посылали **есме** до вашее м(и)л(о)сти посольством брат(ь)ю свою | Григорья Ильинича а Матфел Нאוумович(а). ПГ № 162 (1464 — 1465 гг.);
- (4) Про то ж и н(ы)нѣ послали **есме** | к вашей м(и)л(о)сти посолствомъ братью свою, мѣстичѣвъ | полоцких Григорья Ильинича а Микиту Колъчижи|нич(а). ПГ № 162 (1464 — 1465 гг.).

Заслуживает полного доверия и более ранняя полоцкая грамота № 52 — составленный в Полоцке проект мирного договора 1405 г. с Ригой, дошедший до нас в копии начала XV в. [Хорошкевич 2015, I: 130].

- (5) А томъ **есме** къ вам | послали свои добрыи люд(и) чесныи (21 июня 1405 г.).

Форма *есме* имеется также в неидентичном рижском проекте того же договора с Полоцком. И эта грамота (№ 49), возможно, написанная на другом западном или северо-западном диалекте русского языка, дошла до нас в раннем списке начала XV в. [Там же: 119].

- (6) Мы, ратьмане ризькии, скончали **есме** съ полочан(ы), на Б(о)жью м(и)л(о)сть надеючес(а), што же полочаном всем | немецкымъ купьцем ризьким слично и право дѣлати всакомъ торговем дѣлѣ и торговлю, без всаа | хитрости право чинит(и) на обѣ сторон(е) межи собою. (17 мая 1405 г.)

В полоцком проекте мирного договора 1405 г. (ПГр № 52) есть еще одна характерная, хотя и не уникальная особенность северо-западных и западных диалектов русского языка — модальная конструкция им. п. + инфинитив типа *вода пити* [Циммерлинг 2019а], причем не только в канцелярской формуле *дати правда*, но и в свободном сочетании *а белка купити*. В более поздних полоцких грамотах формулы *дати правда* нет, не имеет аналогов и коллокация *белка купити*, хотя сам оборот им. п. + инфинитив встречается при другом лексическом наполнении. Все это побуждает считать, что полоцкие грамоты ПГр №№ 52 и 162, а также список XV в. с ранней полоцкой грамоты XIII в. (№ 2) доказывают наличие *есме* в живой речи носителей полоцкого диалекта вплоть до середины XV в.

В том идиоме ВКЛ, который в последней четверти XV в. использовался в посольских грамотах, а также в современных им локальных полоцких актах 1470–1511 гг. формы *есме* уже нет, употребление *есмо* является стандартом приказного языка.

4. Перевод и переводчики

4.1. Устный перевод

Переговоры с Литвой в эпоху Ивана III и позже шли без переводчика. Тексты приказного стиля строились по сходным шаблонам. Литовские магнаты, ездившие с посольствами в Москву, вероятно, владели устной формой старорусского языка на бытовом уровне. Кроме того, в их распоряжении были русские писцы, готовые записать любой акт. Эта ситуация подтверждается перепиской виленского наместника Яна Заберезинского с новгородским наместником Яковом Захарьичем Кошкиным в 1492 г., в которой зондировалась почва для заключения мирного договора между Литвой и Москвой и брачного союза между дочерью Ивана III и Великим князем литовским Александром. Ян сперва посылает к Якову своего писаря *Лаврина*, а затем — гонца по имени *Ивашко Ермолов* [ПДС 35: 85—88]. Переговоры с немецкими и венгерскими послами изначально шли через толмачей, знавших латинский язык: как-то объясниться с Николаусом Поплау мог и один из руководителей внешней политики Ивана III, дьяк Федор Курицын⁹.

В составе посольств, направлявшихся в Крым, Казань и Ногайскую Орду, всегда были толмачи, знавшие татарский язык. Толмачи, знавшие русский язык, иногда упоминаются и в составе посольств из Крыма. Имена московских толмачей — *Иванча*, *Борис*, *Илейка*, *Якуш*, *Коняй*, *Кудаш* — свидетельствуют о том, что среди них были как крещенные, так и некрещенные татары, лояльность которых была проверена. Напротив, новокрещеным толмачам не всегда доверяли. Так, в 1491 г., при посыле по имени *Степан Федоцов Мансуров*, направлявшемся в Ногайскую Орду и Казань, находился *Бориско Марков*, имевший, в современных терминах, доступ к секретной информации: он мог переводить *речи наодинѣ*. Второй толмач, *Петруша Новокрещеной*, такого доступа не имел, и инструкции посла предписывали его к переговорам *наодинѣ* не привлекать [ПДС 41: 130—131].

В XV — начале XVI в. на службе великих князей Московских, в том числе в самой Москве¹⁰ и в Подмосковье [Зайцев 2018], было много билингвов, знавших русский и татарский языки. Они регулярно ездили в качестве гонцов, курьеров, приставов и толмачей. Подобные билингвы были и в распоряжении крымского

⁹ *И* <князь великий> *вельѣь Феодору у него* <посла Николая> *его рѣчи выписати того дѣля, что онѣ толмачемъ не хотѣль говорити* [ПДС 1: 40]. Послы должны были передать текст своих речей заранее, если речь была публичной. Если же посол претендовал на то, чтобы Великий князь выслушал конфиденциальную информацию *наодинѣ*, т. е. без бояр, он должен был предоставить запись этих речей. Что посол и сделал при помощи Федора. Речи, которые русские послы должны были произнести публично или *наодинѣ*, писались заранее: в случае нападения посол должен был уничтожить их. Это произошло с князем Иваном Кубенским летом 1500 г.: отчитываясь, он сообщает в Москву о том, что при нападении разбойников *потопил* посольские списки [ПДС 41: 321].

¹⁰ Московских татар посольские книги именуют *слободскими*, к ним принадлежали, например, гонцы *Кудаш Шемякин сын* и *Кожух Карачеев сын* [ПДС 41: 129], а также толмач *Коняй*, ездивший в составе посольств в Крым и Валахию [Там же: 156].

хана. Их имена известны хуже¹¹, но в дипломатической переписке сообщается о том, что в 1500 г. из Крыма в Москву пришли татарские грамоты с приложенным русским текстом [ПДС 41: 286] — эти грамоты крымский хан переслал в Москву; соответствующий факт упомянут и в переписке с ВКЛ. Этот случай не был первым: уже в 1492 г. хан Менгли-Гирей присылал в Москву грамоту, написанную *рузьскимъ письмом* [Там же: 155]. Житель одного из крупнейших торговых городов Восточной Европы — Кафы (Феодосии), *Алакозь* (Ала-Гёз, в посольских грамотах имя передается и как *Алагиозь*, *Алакозь*, *Алякозь*), сперва ездил толмачом при посольстве кафинского султана в октябре 1499 г. [Там же: 283], а позже сам был послом в Москве¹². В начале 1501 г. упоминается о том, что Великий князь Литовский Александр посылал с дипломатическим поручением в Крым своего толмача, армянина *Берендея* [Там же: 333, 347]. В это время прикомандированный к московскому послу князю Федору Ромодановскому толмач *Илейка* был захвачен в плен и предположительно уведен в Азов, причем в нападении на московских послов участвовал не названный по имени азовский толмач [Там же: 349]. Тот же Берендей фигурирует в рассказе о событиях 1493 г., где говорится о том, что от Великого князя Александра в Крым приезжал толмач *Ивашко* [Там же: 182]. О русских толмачах в Кафе и других русскоязычных людях в этом городе см. ниже раздел 8.

4.2. Письменный перевод

Письменный перевод с татарского и на татарский требовал большей квалификации и уровня образования, но соответствующие специалисты были. С октября 1489 г. татарские и турецкие грамоты в Москве переводил *Абляз Бакшей* (Аблез Бакши ⇒ Абу Ильяс), пользовавшийся особым доверием Великого князя [ПДС 41: 78, 335]. В одном случае мы располагаем если не параллельным текстом, то разными переводами двух версий послания турецкого султана (1498 г.): один из переводов выполнен самим Аблязом Бакшеем, а другой — неким *молной* (т. е. муллой) *Шамахийским*.

Неясно, кто переводил грамоты (ярлыки) татарских ханов до 1489 г., но в посольских книгах приведен русский текст ярлыка хана Большой Орды Муртазы, адресованный Ивану III, а также перехваченный ярлык Муртазы, адресованный касимовскому хану Нур-Девлету: оба ярлыка были пересланы в Крым хану Менгли-Гирею [Там же: 68—70]. В апреле 1490 г. (грамота №24) впервые прямым текстом говорится, что московская грамота в Крым была направлена *татарским письмом* в переводе Абляза Бакшея. В ноябре 1491 г., когда по случаю эпидемии

¹¹ В грамоте №39, датируемой январем 1493 г., хан Менгли-Гирей требует *поминков* (т. е. подарков) для своих сторонников, благоволящих интересам Москвы, и просит поощрить писца этой грамоты, бакши *Ештерды Афыза* [ПДС 41: 173]. Однако нет непосредственных свидетельств того, что Ешперды Афыз переводил на русский. Тот же бакши, возможно, приезжал в Москву в 1495 г.

¹² Тот же Алакозь был послом и в Великом княжестве Литовском не ранее 1497 г. [LM 6: 82].

крымских послов не допустили до Москвы и поместили под карантин в Волконе, Аблязу Бакшею и приданным ему толмачам *Борису Тарханову* и *Чюре* было поручено не только перевести привезенные из Крыма грамоты, но и протоколировать все речи послов [Там же: 120—121]. Параллельно опрашивался пришедший из Крыма московский посол князь Василий Ромодановский, «и онъ сказывалъ то же, что и царевы послы сказывали и что въ грамотах писано» [Там же: 127]. Тем самым, перевод Абляза Бакшея и его помощников подтвердился.

Оба сотрудника, приданных Аблязу Бакшею в 1491 г., были достаточно известны в Москве и за ее пределами. Толмач и подьячий Борис Тарханов, он же *Борис Белый*¹³, упоминается с 1488 г. В этом году ногайский мурза Янкуват просит Ивана III выслать ему Бориса для мирных переговоров. Судя по контексту, в данном случае речь шла об устном переводе [ПДС 41: 74]. С Борисом был хорошо знаком хан Менгли-Гирей, который упоминает в письме о том, что в 1493 г. Борис выполнял функции пристава при крымском после Арслан Суфуе [Там же: 176], а также, разумеется, московские послы в Крыму и Кафе. Сын Бориса Тарханова, Никита, в апреле 1498 г. тоже упоминается как подьячий и участник посольства Бориса Челищева [ПДС 41: 249]. Интересный момент связан со связями Бориса Тарханова в 1499—1500 гг. В марте 1500 г. Бориса направляют в составе посольства в Кафу, причем посольские книги называют его (бывшим) толмачом князя Семена Ряполовского, казненного в начале февраля 1499 г. [Там же: 292—293] (о казни Ряполовского см. [Корзинин 2016: 173]). Та же характеристика повторяется в сентябре 1503 г., когда Бориса вновь направляют в Крым, на сей раз с послом Иваном Мамоновым [ПДС 1: 487].

Второй помощник Абляза Бакшея в 1491 г., толмач Чюра Албазеев¹⁴, известен в течение еще более длительного времени. Он упоминается в связи с посольствами в Крым, в Киев (из Крыма) и Астрахань [ПДС 41: 120, 184, 191, 261, 367, 369, 486, 490], его хорошо знали Менгли-Гирей и царица Нур-Султан (ум. 1519 г.). Последняя в 1493 г. пишет в Москву, что толмачу Чюре хорошо известны обстоятельства жизни и проблемы татарских князей в ВКМ [ПДС 41: 194]. 13 сентября 1515 г., после смерти Менгли-Гирея, Чюра был отправлен в Крым с важной миссией: он анонсировал новому хану Мехмет-Гирею приезд в Крым большого посла, которым оказался тот самый Иван Мамонов, при посольстве которого Чюра уже состоял в 1501 г. Кроме того, в почте Чюры было письмо к царице Нур-Султан, а также письма к четверем татарским князьям [ПДС 95: 184 — 186]. Все это свидетельствует о том, что в 1515 г. в Крым был послан человек, которого там хорошо знали.

¹³ Издатель посольских грамот, видный историк Г. Ф. Карпов, с нашей точки зрения, неверно обобщил в указателе форму *Бѣлаго (Бѣлова)* [ПДС 41: 17 указ.]. Повтор предлога *у* показывает, что речь идет о согласуемом прозвище: *А у Бориса у Белого у подьячего, который съ нимъ шоль* [Там же: 407]

¹⁴ В указателе Г. Ф. Карпова он отождествлен как *Чюра Аблезев сын* [ПДС 41: 57 указ.], но такой формы в посольских книгах, насколько мы знаем, нет, в отличие от формы *Албазеев*, зафиксированной в посольской грамоте от 13 сентября 1515 г. [Бантыш-Каменский 1808/1893: 6]. Было бы заманчиво считать, что толмач Чюра был не только сотрудником, но и сыном Абляза Бакшея. Но для доказательства этой догадки не хватает данных.

В электронной базе посольских книг России конца XV — начала XVIII в. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Posolbook/PosolBook.html> нет сведений о загадочном коллеге Абляза Бакшей в 1491 г., молне Шамахийском. Выскажем гипотезу о личности этого человека. В посольских книгах не сказано, где именно сделан последний перевод молны Шамахийского — в Стамбуле, Крыму или Москве. Поскольку Абляз Бакшей был постоянным переводчиком в Москве, альтернативный перевод мог быть привезен в Москву извне. Но в донесении московского посла в Крым (№ 68. III), князя Ивана Кубенского, датированном октябрём 1500 г., сообщается о том, что Абляз Бакшей предыдущей осенью посылал в Астрахань к купцу *Хонезу* (варианты передачи имени — *Хозенез*, *Нияз* ⇒ *Ходжа Нияз*) двух татар с грамотами и ценным товаром. В грамоте Абляза Бакшей, которую по сведениям посла, зачитывали в Астрахани при свидетелях, говорилось о том, что брат *Хонеза* по имени *Ахмолна*, а также другие удерживаемые в Москве астраханцы не вернутся домой, если астраханский хан *Абле-Керим* (⇒ Абд эль Керим ибн Махмуд) не обеспечит охрану московских послов и купцов. Сходную версию сообщает московский посол в Кафе, Андрей Лапенко Кутузов [ПДС 41: 333]. Упоминаемый здесь Ахмолна мог быть тем же человеком, что и молна Шамахийский.

5. Качество перевода и коммуникация

5.1. Язык ВКМ vs язык ВКЛ

В массиве грамот о сношениях ВКМ с ВКЛ нет указаний на то, что расхождения между двумя идиомами русского языка XV в. мешали ведению переговоров. Однако сами речи московской и литовской стороны обладают вполне определенными характеристиками в области лексики, грамматики и стилистики, которые служат маркерами данных идиомов.

5.2. Русский язык vs татарский язык

В данной паре имеется один случай, где одна из сторон выразила недовольство качеством письменного перевода. Впрочем, достоверность свидетельства трудно проверить, так как претензия к качеству перевода была поводом для задержки гонца (по совместительству — толмача) Илляза. В ноябре 1502 г. хан Менгли-Гирей писал в Москву:

- (7) А нынѣчи Александро король, Илязомъ зовут, толмача своего ко мнѣ прислалъ: а котораа посланая грамота, **ино неумѣющей еѣ человекъ писалъ по бесерьменски**; и мы иное прочли, а иного не умѣль есми прочести, **и что прочель есми, тѣ рѣчи Илязь изо усть мнѣ говорилъ, то все опытавъ и написавъ, къ тебѣ есми послалъ, ты бы то видѣль**; и печать есми его къ тебѣ есми послалъ. № 87 [Там же: 445].

Московская дипломатия в условиях войны с Литвой всячески поощряла задержку посла противника, который остался в Крыму до апреля 1503 г. Содержание самого письма и разъяснений Иллыза было параллельно доложено московским послом Алексеем Заболоцким [Там же: 448—449]. Тем самым, в Москве могли оценить как текст противника, так и искренность союзника.

5.3. Плохо написанная грамота и возможный виновник

Личность писца, плохо переведшего на «бесерменский» язык послание великого князя Литовского Александра, устанавливается с некоторой степенью гипотетичности. Сам задержанный в Крыму гонец-толмач Ил(л)яз — то же лицо, что и упоминаемый в Литовской Метрике *Ильяс Тиморчин*, бравший заволжских татар на поруку в 1506 г. [LM 6: 68—69], но Ильяс Тиморчин, в отличие от четырех других литовских татар, упоминаемых в том же тексте, не назван толмачем. Зато он указан как толмач в более ранней грамоте 1486 г., где он назван братом *Хидиря* [LM 4: 31], и в двух грамотах 1489 г., [Ibid.: 82, 86]. В грамоте 1494 г., подтверждающей права владения на землю Трепунскую, Ильяс и его братья *Хидыр* и *Абрагим* названы *Тимирчычами*, т. е. сыновьями Тимура. Все эти люди были хорошо известны в Крыму. В 1484 г. Менгли-Гирей специально пишет королю Казимиру, отцу Великого князя Александра, о том, что Хидыр, выполняя поручения короля, сделал в дороге долгов на пятьсот алтын: ради него хан одолжил денег у кафинского богача, еврея <Хаджи> Кокозя, и оплатил долг, но теперь Ильяс, младший брат Хидыра, должен будет отдать долг тому посланцу хана, который приедет в Литву [Ibid.: 103]. Чуть позже хан требует от Ильяса немедленно прислать в счет долга *один постав новогонского сукна* [Ibid.: 106]. Хидыр, как указывает другая включенная в Литовскую метрику грамота, посылался в Крым 1.05.1481 г. [Ibid.: 34], хан упоминает о нем также в грамоте от 01.08.1482 г. [Ibid.: 89]¹⁵.

По локальным актам Абрагим (*Обрагим*) известен еще лучше, чем его братья: известно, что в 1484 г. он ездил как толмач в Большую Орду. В ранних грамотах 1480-х гг. Абрагим обычно называется толмачом [LM 4 : 65, 71, 79, 99], но грамоты 1490-х и 1500-х уже неизменно называют его *татарским писаром* (в данном случае — аналог ранга бакши). В 1496 г. Абрагим Тимирчычъ, названный в грамоте *татарским писаром*, получил от Великого князя Александра подтверждение на владение имением Саковщина [LM 6: 122]. В 1499 г. Абрагим, снова названный *писаром татарским*, упоминается как лицо, продавшее писарю Федку Григорьевичу двор (*дворец*) с землей и сеножатями возле с. Гердутишки [LM 6: 222]. Данный акт также включен в последнее издание полоцких грамот (ПГр № 358), см. [Хорошкевич 2015, I: 492]. Абрагим упоминается и в 1502 г.: он просит и получает

¹⁵ В 1482 г. Хидыр был отпущен Менгли-Гиреем в Литву вместе с крымским послом. Это полностью согласуется с упоминанием в позднейшей грамоте хана 1484 г. о том, что долг Хидыра взыскивается с его младшего брата Ильяса, который отпущен в Литву в 1484 г. Нет оснований сомневаться в том, что Хидыр крымских грамот 1481 г. и 1484 г. — одно и то же лицо.

от короля пять служб в Роготном и три пустощины в Белицком повете [Ibid.: 277]. В том же 1502 г. князь *солтан Охмет* просит Великого князя Литовского Александра отправить к нему посла, желательно *Обрагима*: «а естли к намъ кого пришълите, и вы Обрагима пришлите, приязни знамя то будет» [Ibid.: 95]. Почти за двадцать лет до этого, в 1484 г., хан Большой Орды Муртаза просит короля Казимира вознаградить толмача Обрагима, который «на сеи дорозе много томъли мель» [LM 4: 99]. Наконец, в 1505 г. Абрагим за свою *верную, николи не вмешканую справедливою службу* получает грамоту в вечное пользование крепостных для своих владений Саковщины, Андреевщины в Белицком повете и Роготной [LM 6: 60]. По всей видимости, услуги, которые оказывал Абрагим, были крайне важны: он был одним из письменных переводчиков короля Казимира и его сына Великого князя Александра, если не главным переводчиком с татарского. Мог он переводить и устно, о чем говорит слово *толмач* в акте 1488 г.: король Казимир шлет указание своему канцлеру и виленскому воеводе Олехну Судимонтовичу удовлетворить просьбу *толмача нашего татарского Обраима, Тимирчина сына*, и выделить ему Медевешевскую землю в Виленском повете [LM 4 : 130].

Вполне возможно, что Абрагим перевел на татарский и вызвавший недовольство хана текст послания, с которым в 1502 г. ездил в Крым его брат Илляз.

5.4. Латинский и церковнославянский языки

В сношениях Москвы с Римской империей и Венгрией латынь при Иване III выступала в качестве языка-посредника, что порой приводило к напряженности: переводчики того времени передавали латинскую риторику при помощи церковнославянской. В зимой 1502/1503 гг. в Москву прибыл посол короля Венгрии и Чехии, венгр Сигизмунд Сантаи, который, видимо, не говорил на славянских языках. Он привез латинские грамоты папы Александра VI и кардинала Регинуса и 1 января 1503 г. озвучил послание папы. Все это московские переводчики переложили на церковнославянский язык [ПДС 35: 341–346]. Во время великокняжеского угощения посол получил бытовую травму и на следующий день не смог самолично озвучить ключевое сообщение — послание от короля Венгрии с предложением посредничества в заключении мира между Москвой и Литвой. Его коллеги, а по совместительству — толмачи посольства, передали заранее заготовленные речи посла (неясно, озвучивались ли они) боярам. На осмысление информации и ее языковой оболочки у московской стороны ушло десять дней. После этого 13 января 1503 г. бояре вызвали послов к себе и Яков Захарыч Кошкин объявил послу, что буквальный перевод в таких условиях затрудняет общение¹⁶:

¹⁶ В оправдание буквализма московских переводчиков с латинского можно сказать, что таковы были вмененные им инструкции руководителей внешней политики ВКМ того времени, ср.: *а какъ напишутъ грамоту латинскимъ письмомъ или немѣцкимъ, ино та грамота перевести на руское писмо того дѣля*, чтобы пришла та грамота по великого князя списку слово в слово (1490 г.) [ПДС 1 : 41]. Спустя два месяца после прибытия в Москву посол Сигизмунт Сантаи и его переводчики, по-видимому, прониклись идеей важности буквального перевода, судя по записи

- (8) Пане Жидимонте! Которые рѣчи государь нашъ велѣлъ намъ тебѣ говорити, ино, пане, ты рускому языку не розумѣешь, а говоришь по угорьский, а государя нашего толмачи и они говорятъ по латыни; и **толко намъ съ тобою говорити толмачи, ино та рѣчь длинна будетъ.** И мы велимъ тебѣ государьские отвѣты диакомъ государьскимъ чести, **чтобы тебѣ та рѣчь внятна была.** № 73.8 [ПДС 35: 350].

Возможно, бояре были шокированы не только качеством перевода, но и фактом внедрения церковнославянского языка в несвойственную для него сферу, поскольку нормы приказного стиля имели последовательно светский характер. Тем не менее, речи дьяков тоже были слишком длинны для спонтанного восприятия¹⁷, что позволило послу нанести ответный укол:

- (9) Честные господа! Что есте от своего государя говорили, и **мы то не все уразумѣли,** и вы бы **намъ дали отвѣты въ писаньи.** № 73.10 [ПДС 35: 358].

Наготове у московской стороны письменного латинского текста не было, поэтому понадобились совместные усилия:

- (10) И Жидимонтъ говорилъ, чтобы князь велики велѣлъ тѣ списки отвѣтные перевести по латынски; и князь велики **велѣлъ своимъ толмачемъ латынскимъ съ его писаремъ зъ Дитрохомъ състи да списки перевести по латынски.** И даны ему обои списки отвѣтные, русские и латынские. № 73.11 [ПДС 35: 359].

В данном случае известно имя только одного человека, чей перевод вызвал нарекания — это пришедший с венгерским послом толмач, капеллан Дитрих (*Дитрох*). Московские латинисты в 1503 г. остались анонимны. Было бы заманчиво считать, что среди них был русский книжник Дмитрий Герасимов (ок. 1465 — после 1535 г.), владевший латинским и немецким языками, но посольские книги с Литвой знают его только как переводчика с немецкого (*Митя Герасимов, толмач нѣметский*), проезжавшего через литовские земли в 1525 г. причем это упоминание возникает в контексте его посольства в Рим в 1525 г. [ПДС 35: 692, 694, 698], хотя Герасимов правил посольство по латыни. В посольских книгах сношений со Священной Римской Империей имя Дмитрия Герасимова удивительным образом отсутствует. О возможном отождествлении Герасимова с *Дмитрием Щербатым*, фигурирующем в ивангородском деле 1505 г., см. ниже раздел 7.4.

Литовской книги: *И угорьский посоль пришедъ подалъ запись, одну латынскимъ письмомъ, а другую рускимъ, а обѣ слово въ слово* (15 марта 1503 г., Москва) [ПДС 35: 386].

¹⁷ То же самое два года спустя отмечали ливонские послы в Ивангороде, общавшиеся с подьячими князя Константина Ушатого через толмачей: *Твои господине, дѣти боярские Жукъ и Некрасъ отвѣтъ намъ учинили, и мы, господине, отвѣтъ выслушали,* и ты бы господине, пожаловаль, съ того отвѣта далъ намъ списокъ, занже господине, дѣло велико, рѣчи много, нельзя намъ ихъ вспомогать [ПДС 1: 126–127]. С некоторой вероятностью можно предположить, что в московских переговорах в январе 1503 г. участвовал тот же толмач Дмитрий Щербатый (⇒ ? Дмитрий Герасимов), что и в ивангородской встрече в июне 1505 г.

6. Синхронное варьирование грамматики старорусского языка

В лингвистической литературе посольские книги Ивана III изучались как компендиум фактов, относящихся к истории отдельных форм и конструкций. Описание синхронного варьирования русской грамматики в массиве посольских грамот этого периода сдерживается тремя обстоятельствами: 1) критические издания отсутствуют, материалы грамот не добавлены в исторические корпуса текстов, поиск и обработка информации затруднены; 2) в массиве сношений с татарскими Ордами и Кафой не всегда ясно, где переведена грамота татарской стороны — в Москве или за ее пределами; 3) многие параметры синтаксического описания русского языка конца XV в. эксплицитно не выделены. Наивно пытаться решить все эти проблемы сразу, но можно обозначить путь их решения.

6.1. Программа исследования. Оригинальные и переводные грамоты

Первым шагом должно быть разделение грамот на два массива — оригинальные тексты, записанные в Москве носителями центрально-великорусского диалекта vs прочие тексты (памятники других диалектов и переводные грамоты). Рабочая гипотеза заключается в том, что настройки грамматики в этих двух массивах различны. На втором шаге проверяется гипотеза о том, что в переписке ВКМ vs ВКЛ немосковские грамоты отождествимы с памятниками ВКЛ. Внешняя проверка на соответствие идиому ВКЛ предполагает сопоставление с полоцкими грамотами и другими текстами того же периода, включенными в Литовскую Метрику. Выделяется не менее 10–20 параметров в области морфосинтаксиса, значение которых будет проверено в обоих массивах.

6.2. Внутриязыковое и межъязыковое варьирование параметров описания

Чтобы избежать недоразумений с понятиями внутри- и межъязыкового варьирования, которые используются в разных лингвистических традициях (ср. [Henry 1998; Baker 2008]), сразу укажем, что под ‘внутриязыковым варьированием’ (language-internal variation) мы в этой статье понимаем ситуацию, когда разные значения того же параметра допускаются в пределах одного и того же языка / идиома. Пусть известны два идиома, Идиом 1 и Идиом 2, и заданы два параметра. Первый параметр задает упорядочение элементов a и b либо в виде $a > b$ ‘ a предшествует b ’, либо в виде $b \geq a$ ‘ b предшествует a ’. Второй параметр задает реализацию некоторого значения M посредством формы α , либо формы β , либо формы γ . Очевидно, что если элементы типа a и b есть и в Идиоме 1, и в Идиоме 2, а значение M в обоих идиомах выражается элементами из множества $\{\alpha, \beta, \gamma\}$, оба параметра можно применить для описания обоих идиомов сразу. Однако варьирование, по данному выше определению, все равно останется внутриязыковым, если хотя бы один из идиомов допускает более одного значения параметра — например, Идиом 1 допускает как порядок $a > b$, так и порядок $b > a$, а Идиом 2 допускает реализацию значения M как формой α , так и формой β .

Межъязыковое варьирование (cross-linguistic variation), не являющееся при этом внутриязыковым, — некоторый упрощенный случай, когда параметр, принимающий два или более значения, можно задать для разных идиомов, но эти значения распределены в них дополнительно. Например, Идиом 1 допускает только порядок $a > b$, а Идиом 2 — только порядок $b > a$, а обратные порядки запрещены. Перспективность этой сравнительно несложной программы описания естественного языка состоит в том, что грамматика любого языка равнозначна набору ограничений. Лингвистически содержательная интерпретация некоторого множества случаев употребления (массива текстов) основана на разграничении статистических тенденций и запретов, носящих жесткий характер. Эмпирическим путем было установлено, что некоторый идиом может, например, одновременно требовать в зн. '1 л. мн. ч.' связки *есмя* (см. выше раздел 3 об идиоме ВКМ в XV в.), но допускать варьирование в контексте *дал есми был ~ дал был есми*. Тем самым, модель внутриязыкового варьирования формализует ситуацию, когда распределение конкурирующих вариантов носит статистический характер и не связано с прямым запретом. Наоборот, модель межъязыкового варьирования формализует ситуацию, когда статистически значимого распределения вариантов в данном идиоме нет, а запрет на альтернативные варианты, известные по другим идиомам, носит жесткий характер.

- (iii) Внутриязыковое варьирование отражает статистические тенденции употребления, межъязыковое варьирование отражает грамматикализованные запреты.

В следующих трех разделах обсуждается диагностика, основанная на пяти параметрах, и результаты анализа. В разделе 7 обсуждаются два параметра междиалектного варьирования, жестко разграничивающих идиомы ВКМ и ВКЛ в массиве посольских грамот. В разделе 8 обсуждаются три параметра, где выбор одного из конкурирующих вариантов носит статистический характер. В разделе 9 подводятся итоги исследования.

7. Параметры междиалектного варьирования

Употребление форм связки 1 л. мн. ч. и формы союзного слова **что* являются изоглоссами, т. е. параметрами межъязыкового (междиалектного) варьирования. Внутри одного идиома варьирования по данным параметрам быть не должно, в соответствие с распределением (iv):

- (iv) Идиом 1 имеет вариант А, Идиом 2 имеет вариант В, Идиом 3 имеет вариант С... Идиом n имеет вариант N.

Если вариант *што* и форма 1 л. мн. ч. *есмо* — модельная характеристика идиома ВКЛ, а вариант *что* и форма 1 л. мн. ч. *есмя* — модельная характеристика идиома ВКМ, то появление иных вариантов свидетельствует о том, что в посольскую книгу попал текст, не относящийся ни к идиому ВКЛ, ни к идиому ВКМ. Мы

покажем ниже, что именно это произошло при включении в Крымскую книгу двух грамот, переданных кафинским послом в Москве в 1501/1502 гг.: данные грамоты написаны на староукраинском языке и не правились в Москве. В качестве проверочного критерия берется лексическая изоглосса, связанная со словом, означющим ‘свидетель’. Мы также покажем, что употребление форм связки 1 л. мн. ч. в двух грамотах, пересланных из Ивангорода в Москву летом 1505 г., доказывает, что эти две грамоты написаны на разных идиомах, отклоняющихся от стандарта посольских грамот ВКМ, причем одна из этих грамот несет отпечаток диалекта новгородского переводчика.

7.1. Есмо и грамота Кадыша

Как указано выше в п. 3, употребление формы 1 л. *есмо* вместо московского *есмя* в массиве татарских грамот указывает на то, что грамота или речь посла не является переводным текстом, записанным в Москве. Этот критерий подтверждает свидетельство посольских книг о том, что летом 1500 г. гонец Кадыш Абашев привез в Москву из Крыма вместе с грамотами хана Менгли-Гирея написанную по-татарски грамоту Великого князя Александра с приложенным русским списком [ПДС 71: 372]. Несколько грамот Менгли-Гирея, адресованных Великому князю Литовскому, попали в Литовскую Метрику, см. [LM 6: 79, 81]. Сопоставление их с грамотами Менгли-Гирея, адресованными Ивану III и включенными в посольские книги Москвы, показывает, что, даже если изначально существовали русские списки с посылаемых татарских грамот крымского хана, их окончательный вид — дело рук литовских и московских писцов. В московской версии речей Менгли-Гирея форма связки 1 л. мн. ч. неизменно имеет вид *есмя*, а в литовской — *есмо*. В формуле ‘Я враг твоего врага’ московские переводчики используют слово *недрузь*, а литовские — слово *неприятель*. Само имя крымского хана в литовских грамотах обычно пишется *Мендъли-*, *Менди-Гирей*, в то время как в московских — *Менли-Гирей*.

В грамоте хана, переведенной в Москве Аблязом Бакшеем или — что менее вероятно — в Крыму кем-то из носителей московского диалекта, мы находим закономерную форму *есмя*, а в литовской грамоте — форму *есмо*. Присутствует в этой грамоте и форма *штожь* (2 раза), характерная для языка ВКЛ и полоцких грамот. Кроме того, в грамоте имеются иные характеристики, подтверждающие ее принадлежность к приказному стилю ВКЛ, ср. форму аориста *ажъбыхмо*, лексемы *жадание*, *завъжды*, написание /г/ в имени Гирей через <кз> и т. д. Напротив, форма *есмя* в изложении речей Илляза, прибывшего в 1502 г. из Литвы в Крым с *плохо написанной по бесеръменски* грамотой, см. выше п. 5.2, выдает московскую руку:

- (11) Молвя, **приказные наши рѣчи то писали есмя**, такъ вѣдайте, къ намъ пришло слово и печать то съ тѣми рѣчми съ черленою печатью и грамоту **послали есмя** іюля мѣсяца 14 день, во вторникъ, до обѣда. № 87.2. [ПДС 41: 449].

Речи Иллыза, как указано выше, — это записанные крымцами результаты его допроса, отправленные в Москву. Оригинал грамоты Александра, с черленою печатью, как мы знаем, был написан по-татарски, и с татарского же языка московский переводчик перевел его на русский.

7.2. Що и местные акты Кафы

В массиве переписки с Крымом и Кафой имеются две грамоты, где вместо *что/што* употреблено *що*. Как указано выше в п. 3, такой формы не было ни в идиоме ВКМ, ни в том идиоме ВКЛ, который использовался в посольских грамотах. В сентябре 1501 г. кафинский посол Алакозь, понимавший русский язык, подал в Москве две грамоты, написанные от имени турецкого султана Баязида II и его сына Махмет Бега Шихзоды (⇒ Мехмет-бек Шехзаде) *рускимь письмомь*.

Первая, № 80.1.a, написана стандартным для массива переводных грамот языком, используется форма 1 л. мн. ч. *есмя*, контекста для проверки союза *что/што/що* нет. Можно предположить, что перед нами не оригинальный текст, а результат перевода или редактуры московских писцов. На это как будто указывает добавленная переписчиком фраза: *а имяни салтанова бакшей у ней не перевель* [ПДС 41: 390]. Поскольку имя султана в начале грамоты все же названо, по-видимому, имелось в виду, что Абляз Бакшей не перевел величальную формулу султана Баязида II, которая была в составе печати. Тем самым, переписчик начала XVI в., скорее всего, ошибся, и в посольскую книгу попал не оригинал, якобы написанный по-русски, а плод трудов переводчика.

Вторая грамота, № 80.1.b, написана не на стандартном для массива посольских грамот идиоме ВКЛ, а на некотором юго-западном диалекте, где /ѣ/ и /о/ отражалось как /и/, ср. *кили, ихаль, билки, на Москви* вместо *коли, ѣхаль, бѣлки, на Москвѣ*, в новозакрытых слогах /е/ переходит в /ю/ (ср. *опускаюмь*), а 1 л. мн. ч. имеет окончание *-мо*, ср. *имаемо*. В грамоте не только систематически используется форма 1 л. мн. ч. *есмо*, в том числе в изложении речей московских послов и купцов, но и 41 раз употреблена форма *що*. Идиоматичность этого текста, где красочно переданы преписательства русских в суде и при прохождении таможи, не вызывает сомнений. Столь же несомненно, что этот текст составлен за пределами Москвы и северо-востока ВКЛ, скорее всего — кем-то из купцов или толмачей в самой Кафе. Характерно, что конфискация выморочного имущества купца, умершего в мусульманских землях (бейт-уль-мал), в грамоте № 80.1.b. названа словом *умеричина*, в то время как в оригинальных московских грамотах она неизменно называется словом *зауморицина*.

В какой-то момент Алакозь также подал грамоту хана Менгли-Гирея, № 80.1.c., с просьбой поддержать ходатайство кафинцев. Этот короткий текст составлен по стандартам, характерным для переводных грамот Менгли-Гирея, правда, в нем нет контекстов для проверки *есмя/есмо* и *что/што/що*. В марте 1502 г. Алакозя вновь вызвали ко двору и озвучили ему встречные претензии к кафинцам и условия Москвы. На этот случай у посла была припасена еще одна грамота *руським письмом*, которую он тут же подал. Эта короткая грамота, № 80.2.b, написана

на том же староукраинском идиоме, что пространный текст № 80.1.b. 2 раза встречается *що*, есть примеры иканья: *ихаль* и *тижь* (= тожь). Содержание этого текста столь же замечательно, как его форма: описывается случай хулиганства, с обменом речами, и случай контрабанды:

- (12) И тижь твоей милости купецъ, на имя Иванъ Страховъ, ихаль от Кафы до Азова: и онъ у ночи свои рухляды спускаль съ муру зъ города за ужищи¹⁸. № 80.2.b [ПДС 41: 395–396].

Благодаря Алакозю в посольские книги Москвы, возможно, попало два подлинных образца речи носителей староукраинского диалекта в кафинской диаспоре. Обращает на себя внимание то, что в грамоте Шихзоды, скорее всего, написанной в самой Кафе носителем староукраинского диалекта, и в грамоте Менгли-Гирея, скорее всего, переведенной в Москве Аблязом Бакшеем, имя посла передано по-разному. Кафинская грамота № 80.1.b. трижды называет посла *Алагиозом*, что больше соответствует тюркской форме его имени, Ала Гёз, букв. ‘пестрый глаз’. Между тем, в грамоте Менгли-Гирея он назван *Алакоземь/Алакозомъ*, и именно так к нему обращается московская сторона в лице Великого князя Ивана III и казначея Дмитрия Владимировича Овцы Ховрина [Там же: 397–398]. В посольских книгах Ивана III в грамотах московской стороны вариант *Алакозь* с мягким *з’* значительно преобладает [Там же: 283–286, 298, 300, 351, 388, 402–404, 411—413, 415, 471]. Данный вариант, возможно, был изначально выбран Аблязом Бакшеем при представлении Алакозя в 1499 г. и впоследствии укоренился при передаче имени уже знакомого москвичам человека¹⁹. Несколько раз встречаются написания *Алакошь* [Там же: 297] и *Алякозь* [Там же: 300], вариант с твердым *з* встречается гораздо реже, см. [Там же: 433]²⁰.

7.3. Свидетели и изоглоссы

В первой, пространной, грамоте Алакозя (№ 80.1.c), имеется, возможно, лексическая характеристика северо-восточного диалекта — значение ‘свидетель’ передано словом *послухъ*²¹, в то время как в идиоме ВКЛ в текстах XV в. данное значение передается словом *свѣдокъ* (*свѣтокъ*). Но слово *послухъ* впервые встречается именно в речах московской стороны, ср. изложение прений в кафинском суде между неким *Данилом*, присвоившим товар умершего в Кафе московского гостя

¹⁸ То есть перекидывал свой товар через крепостную стену на веревках.

¹⁹ Известны имена двух московских чиновников, непосредственно имевших дело с Алякозем, — пристава Федда Кузьминского [ПДС 41: 284] и дьяка Семена Башинина [ПДС 41: 403].

²⁰ В Литовской Метрике при описании посольств того же лица в Литву преобладает вариант *Алакозь* [LM 6: 82, 94], один раз встречается форма *Алакозь* [Ibid.: 83]. Не очень понятно, почему в «Реестр делам Крымского Двора с 1474 по 1779 гг.», составленным Н. Н. Бантыш-Каменским в 1808 г., попала форма им. п. *Алакоза* [Бантыш-Каменский 1893: 5] — по всей видимости, она является результатом неправильного чтения.

²¹ Слово *послухъ* присутствует, в частности, в инструкции посла Александра Голохвастова [ПДС 41: 403].

Васюка, и людьми Великого князя *Кулпой*, *Алексеем* и *Борисом*. Данил утверждает, что москвичи сами могли состряпать завещание умершего и требует представить свидетелей. Кулпа сначала объявляет себя свидетелем, — *а же я знаю* ‘а я вот знаю!’, но потом, по кафинской версии, идет на попятный.

- (13) И они рекли: **не маемо послуховъ**; казали они, **имаемо духовный листъ, що онъ умираючи отказаль**. И Данило рекъ: **можете вы и сами писати духовницу, але да и тые люди, при комъ онъ писалъ**. И Кулпа рекъ такъ: **ажъ я знаю**. И судьи рекли: **ишче и другово послуха надоби**. И они рекли: **нить другого тутъ, на Москви есть**. А опосле и Кулпа ся заприль, рекъ: **и я не знаю** [ПДС 41: 393—394].

Еще более важно то, что слово *послух* надежно задокументировано и в юго-западных диалектах. Один пример встречается в Галицкой летописи под 1257 г., см. (14), и еще два — в Волынской летописи под 1289 г. (Ипат., л. 304 г., л. 304 об.). Оно встречается также в локальных староукраинских актах XIV в., дошедших до нас в оригинале, см. пример (15), датируемый 1368 г., ср. также грамоту № 32 (8.04.1385 г.) по изданию [Пещак 1974].

- (14) ...король. много вбѣщаеть. но нѣ исправить. азъ же глѣо правдоу. и поставлю ти **послоуха** вѣа си папоу. и .вѣ. пискоупа. на **послоужьство**. и вдамъ ти полъ земли Нѣмѣцкои (Ипат., л. 279 г, под 1257 г.);
- (15) А кто на то оустанеть тотъ заплатитъ гривну золота вины **а гривну золота послухомъ**. А на то **послуси** князь юрьи глѣбовичъ белзьский. панъ Ота пилицький... № 21 (1.01.1368 г.) [Пещак 1974: 41].

Таким образом, слово *послух* вполне могло звучать в Кафе в речи носителя староукраинского языка на рубеже XV–XVI вв. Напротив, в том идиоме ВКЛ, который использовался в посольских книгах времени Ивана III, этой лексемы нет. Тексты, включенные в Литовскую Метрику, в основном используют форму *свѣдокъ*, мн. ч. *свѣдци*.²² В массиве полоцких грамот такой формы нет, зато в описании судебных прений в ситуациях, близких к тем, в которой оказались московские гости в Кафе, в 1480-е гг. используется слово *свѣтокъ*, мн. ч. *свѣтки*, ср. (16)—(17), а акт свидетельства характеризуется глаголом *свѣтчить*, ср. (18)—(19).

- (16) И мы пытали: «**Ес(ть) у тебѣ свѣтки**, штобы ты вѣщое заплатил?» И **С**дам на то **свѣтъковъ** не дал. ПГ, № 238 (1480—1481 гг.);
- (17) И Адам рек: «Давалом на то **свѣтъки**, што есми вѣщое заплатил, и тыи **суд(ь)и свѣтъковъ моих** не приняли». Там же;

²² Форма мн. ч. *сведоки* ‘свидетели’ имеется в 3-й книге Литовской Метрики, в самой первом из нумерованных и датированных в ней текстов — грамоте короля Казимира от 24.07.1459 г. [LM 3: 59]. Однако записи 3-й книги, скорее всего, были сделаны во времена Великого князя Александра [Бережков 1948: 71—78], при этом существует мнение, что писарь в 1597 г. переписывал 3-ю книгу Литовской Метрики не с оригинала, а с копии. В любом случае, несинкопированная форма *сведоки* вместо *сведци* в лингвистическом плане не вызывает доверия.

- (18) И мы | тех мѣщан перед собою шпытали, как им тое дело свѣдомо, абы **свѣтчили** подлуг правды. Там же;
- (19) И тыи купци **то посвѣтчили**, и ны тое шькоды үсее зличили шдинадцат(ь) коп, што ся Ивану ү тех селедцах стало. ПГ №239 (1480—1484 гг.).

Достоверность полоцких грамот №238—239, откуда взяты примеры (16)—(19), несмотря на их полонизированный язык — ср. форму *давалом* (= *даваль есми*) в речи немца (sic) Адама — не подлежит сомнению, поскольку эти грамоты дошли до нас в оригинале²³.

Можно считать слово *послухъ* ‘свидетель’ в реферате прений в кафинском суде, несмотря на наличие этой лексемы в идиоме ВКМ, еще одним аргументом в пользу того, что две грамоты Алакозя, где детально описываются проступки московских гостей и посольских людей в Кафе, не имеют отношения к стандартному для посольских грамот идиому ВКЛ. Они сочинены в самой Кафе носителем староукраинского диалекта. Мы не знаем имени автора грамот №80.1.b. и №80.2.a., но это точно был не Алакозь, о чем говорит он сам:

- (20) А что сказывали, будто послу великого князя Ондрею Кутузову въ Кафѣ нечестъ чинилася, да и гостемъ, **и государь мой не велѣль быть мне того сказывати, что люди великого князя приѣзжая чинять въ Кафѣ; а даль ми грамоту съ своимъ клеймомъ, русским писмомъ**, а приказаль ми: а учнуть тебѣ говорити, что ихъ людемъ сила чинится въ нашихъ земляхъ, **и ты ту грамоту тогды дай; Ино восе о томъ государя моего грамота** [ПДС 41: 395].

7.4. Кулна, Култа и Костя: правились ли имена в посольских книгах?

Кафинское дело 1500–1501 гг. и отражение его в грамотах 1502 г. побуждает поднять вопрос о том, редактировались ли имена собственные при составлении посольских книг и проверялись ли при этом параллельно составлявшиеся книги. Разнойой при передаче имени наблюдается и в пределах одной книги. Так, имя короля (впоследствии императора) в ранних грамотах Имперской книги (1488—1493 гг.) передается как *Максимьянъ/Максимьянъ*, а в более поздних — как *Максимилианъ*; трудно объяснить этот факт иначе, чем сохранением оригинальных написаний, которые были в грамотах²⁴.

²³ Однокоренное слово *свѣточно* ‘доподлинно известно, подтверждено надежным свидетельством’, при стандартном для идиома ВКЛ в XV в. *свѣдомо* и *вѣдомо* в идиоме ВКМ, встречается в полоцких грамотах №128 (1447 — 1459 гг.), №211 (1476 г.), №241 (1481 г.), №248 (1482–1483 гг.). Все эти грамоты дошли до нас в подлиннике, причем грамоты №№211, 241, 248 написаны одним и тем же писцом — полоцким дьяком Борисом Толандиничем. Можно с уверенностью заключить, что *свѣтокъ* и *свѣточно* были характерными для полоцкого диалекта XV в. словами.

²⁴ Спорадические употребления формы *Максимьянъ*, чередующиеся с *Максимилианъ*, встречаются и после 1494 г., что заслуживает специального исследования. В предварительном порядке

Личности всех московских участников кафинского процесса могут быть определены. *Алексей* — это член московского посольства Андрея Лапенка Кутузова, подьячий (позже — дьяк) *Алексей Жерцов сын Лукина*, отправленный в Кафу 16 марта 1500 г. [ПДС 41: 292]. Он присутствовал в Москве при рассказе Алакозя и 29 февраля 1502 г. опознал у кафинцев похищенное у него в степи имущество. С учетом этого, у изложенной в грамоте Алакозя версии было в Москве мало шансов. *Алексей Жерцов сын Лукина* многократно упоминается и в других документах с 1507 по 1521 гг.

Кулла — это другой член того же посольства, который в других посольских грамотах с Крымом, Кафой и Турцией назван *Култой* или *Константином Оксентьевым* (Авксентьевым). В 1496 г. Култа ездил вместе с послом Михаилом Плещеевым в Стамбул: в первой *русской* грамоте Алакозя (№ 80.1.b.) инкриминируемые турецкой или кафинской стороной проступки этого посольства красочно описаны [ПДС 41: 392]. В более ранних грамотах 1489 г., включенных в Имперскую книгу, подьячий Аксентьев сокращенно именуется не *Култой*, а именно *Култой*²⁵, т. е. ровно так, как его называли в кафинском суде. Ранее, в 1489 г., Кулла Аксентьев подвозил из Москвы в Ругодив (Нарву) дополнительные грамоты для московского посла Юрия Траханиота Старого, ранее отправленного с посольством в Римскую империю [ПДС 1: 14, 23—24]. Здесь мы, однако, сталкиваемся с труднообъяснимым фактом, который не комментируется ни в базе данных по посольским грамотам <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Posolbook/PosolBook.html>, ни в базе данных по служилой элите конца XV — начала XVI вв. <http://ruling-elite.spbu.ru>. В подорожной 1489 г. из упомянутой книги одновременно упомянуты и *Костя Оксентьев*, член посольства, подьячий, который едет вместе с Юрием Траханиотом и Иваном Халепой за границу к Максимилиану, и *Кулла Оксентьев*, пристав, провожающий посольство Юрия Траханиота до Ругодива. Подьячему Косте на пути до границы полагается три подводы, а приставу Кулле — две:

можно отметить, что на л. 155 Имперской книги приходится почерковый шов при смене чернил: более ранний писец дает форму *Максимьянь*, а более поздний — *Максимилянъ*. Дьяки и подьячие старшего поколения вполне могли заучить форму *Максимианъ*: так, в изложении речей дьяка Болдыря Паюсова, передающего слова Великого князя в 1506 г., неизменно употребляется форма *Максимьянь*, но на тех же страницах письменный переводчик употребляет форму *Максимилянъ* [ПДС 1: 144—146, 148, 150]. Тот же казус связан с записями годом ранее, когда в изложении Ивангородского дела 1505 г. преобладает форма *Максимилянъ*, но ивангородский наместник князь Константин Ушатый почему-то получает инструкции, *как ему велети отвечать* Максимианову челоуѣку [ПДС 1: 132], в то время как отправленному в Ивангород московскому толмачу Власу предписывается уточнить, *которои челоуѣкъ привезъ грамоты от* Максимилиана короля [Там же: 139].

²⁵ Хотя в посольских книгах вариант *Култа* представлен только один раз, а форма *Кулла* встречается десять раз (правда, всего в двух эпизодах), доказать, что вариант с *-т* ошибочен, не удастся. Словарь В. И. Даля объединяет диалектные слова *кульпа*, и *культя* ‘обрубок, культя, искалеченная конечность’, ‘человек с искалеченной конечностью, косолапый, криворукий, беспалый’ в одно гнездо, указывая на объединяющую их форму *культена*, *культяпа* [Даль II: 216]. Правда, варианта с твердым *-т* Даль не дает. Требуется дополнительное исследование прозвищ *Кульпа* и *Культя/-я* и восходящих к ним фамилий. «Словарь русского языка XI—XVII вв.» [СРЯ XI—XVII, 8: 116] фиксирует слово *культя* в значении ‘женский головной убор у татар’ (1654 г.).

(21) ... а **Костѣ** три же подводы, а **Кулпѣ** двѣ подводы [ПДС 1: 24].

У Кости и Кулпы, согласно Имперской книге, разные инструкции и разные задачи. Если сами грамоты о посольстве Юрия Траханиота в 1489 г. подлинны и раздвоение подьячего Аксентьева на Костю и Кулпу/Култу не является фантомом, сходным с появлением подпоручика Киже в начале XVI в., напрашивается вывод о том, что посольские книги с Крымом и Кафой, в отличие от более ранних и достоверных грамот сношений с Римской Империей, записанных в 1489 г., когда Костя и Кулпа заведомо были живы и другие подьячие в Москве это знали, путают двух Аксентьевых²⁶. Возможна, впрочем, и более изысканная версия: Кулпа как тень всюду следует за Костей в дипломатических поездках, полное имя у них обоих одинаково — *Константин*, но об этом не упоминается как об общеизвестном факте. Но это менее вероятно, так как все подьячие и приставы посольств в Крым и Кафу в Крымской книге обычно скрупулезно указываются. Версию о двух тезках-родственниках нельзя исключить полностью, но более простое объяснение состоит в том, что *Култа* в кафинском суде и подьячий московского посольства в Кафе [ПДС 41: 231, 292] — одно и то же лицо²⁷, тем более, что два других московских представителя в кафинском суде — это два других подьячих из того же посольства — Алексей Жерцов и Борис Тарханов. Мы полагаем, что к моменту составления Крымской книги обоих Аксентьевых не было в живых и память о них успела стереться. Известно, что московский посол Андрей Лапенок Кутузов был убит на обратном пути из Кафы. Посольские грамоты сообщают об ущербе, понесенном двумя уцелевшими подьячими — Алексеем Жерцовым (ограблен на 250 рублей) и Борисом Тархановым (ограблен на 84 рубля) [ПДС 41: 487], но не говорят об ущербе, понесенном Костей/Кулпой, который при отправке в Кафу назван в списке посольства вторым. Возможно, он погиб вместе с послом или умер в плену, и об этом в Москве не знали точно. Не исключено, что к 1502 г. это было точно известно кафинцам, и они неслучайно приписали отказ от ранее данных показаний не вернувшему в Москву Кулпе.

Наконец, Борис — это еще один член того же посольства, отправленный в Кафу 16 марта 1500 г. *Бориско*, толмач князя *Семена Ряполовского* [ПДС 41: 292 — 293]. Скорее всего, это то же лицо, что упоминаемый с 1488 г. толмач и подьячий *Борис Тарханов*, он же *Борис Белый* [ПДС 41: 74, 407], лицо, хорошо известное хану Менли-Гирею [ПДС 41: 176, 487]. Он тоже был ограблен в степи с посольством Андрея Лапенка Кутузова. Нет особых оснований сомневаться в идентичности Бориса, так как посольские книги с Крымом дают согласованную версию, а в других

²⁶ Дополнительное раздвоение происходит в указателе Г. Ф. Карпова к изданию [ПДС 41], где Култа и Кулпа трактуются как разные лица.

²⁷ Возможно, что составители Крымской книги допустили ошибку в первом из двух упоминаемых имен подьячего Аксентьева, где он назван *Костей* при отправке в Кафу 11 сентября 1496 г. [ПДС 41: 231]. Если же ошибки нет, можно допустить, что в Кафу в 1496 г. направлялся Костя, а 13 марта 1500 г. — уже Кулпа/Култа [Там же: 292]. В любом случае, мы не видим альтернативы признанию того факта, что Кулпа в кафинском суде и подьячий посольства 1500 г. — это одно и то же лицо.

посольских книгах он не упомянут. Тем не менее, обращает на себя внимание большое количество вариантов наименования, что потенциально может служить источником ошибки при наличии тезок среди подьячих.

7.5. В поисках исчезнувшего книжника: переводные грамоты Дмитрия Герасимова?

То, что трудности современных историков и филологов в связи с идентификацией переводчиков и фигурантов грамот подпитываются неунифицированными обозначениями этих лиц в посольских книгах и возможными огрехами самих составителей книг, показывают упоминания другого лица, которое не могло не быть задействовано в переводах с латинского и немецкого, — Дмитрия Герасимова, младшего брата иеромонаха, затем *игумена Герасима Поповки* (до 1465 г. — не ранее 1502/1502 г.), о последнем см. [Лурье 1960: 208, 266—268].

В такой форме именован Дмитрий посольским книгам неизвестен. В грамоте Литовской книги от 1525 г. он назван *Митей, толмачем немѣцкимъ*, в контексте его посольства в Рим. Имена *Дмитрий, Митя* не уникальны, но по другим источникам известно, что в Рим в это время ездил именно Герасимов. Никоновская летопись говорит о толмаче *Мите Малом* и его переводах: его отождествление с Дмитрием Герасимовым более гадательно, хотя оно принимается в исторической литературе [Казакова 1972; 1988]: предполагается, что людей с навыками и познаниями Герасимова в России того времени было мало. Наконец, Е. Е. Голубинский отождествил Герасимова с приставом и гонцом *Дмитрием Зайцевым (Заецовым)*, который упоминается в трех посольских книгах [Голубинский 1900: 891]. Но это, похоже, ложный след. В Крымской книге сказано, что Федор Курицын в августе 1492 г. отправлял московскому послу Константину Заболоцкому инструкцию (*память*) по запросу последнего, и эту память послу доставил гонец *Митя Заецов* [ПДС 41: 164]. Если это то же лицо, которое упоминается в Литовской книге в рассказе о двух событиях 1494 г. и в Имперской книге в рассказе о приеме у имперского посла Герберштейна в 1517 г., а не полный тезка, речь идет о постельничем *Дмитрии Ушаке Федорове сыне*, который дважды назван в Литовской книге и Имперской книге *Ушаком Заецовым* [ПДС 35: 134; ПДС 1: 186] и один раз *Митей Заецовым* [ПДС 35: 158], он упомянут также в Разрядной Книге и других источниках²⁸. Гораздо более вероятно отождествление Герасимова с толмачем *Дмитрием Щербатым (Щербачом)*, упоминаемым в рассказе о приходе имперского гонца в Ивангород в июне 1505 г. [ПДС 1: 125—127]. В следующем разделе обосновывается гипотеза о том, что именно Герасимов перевел две латинские грамоты, попавшие в 1505 г. в Ивангород. Если это отождествление верно, мы получаем подтверждение того, что одно и то же лицо имело три типа идентификаторов. В церковных и книжных кругах

²⁸ Ср. данные в базе служилой элиты XV–XVI вв.: <http://ruling-elite.spbu.ru/component/fabrik/details/1/3228.html?Itemid=108>. Из набора упоминаний Дмитрия Ушака Федорова сына вытекает, что речь идет человеке по имени *Дмитрий Ушак*, сын Федора, по прозвищу *Заец*.

Дмитрий известен как брат иеромонаха Герасима, отсюда именование по брату, *Герасимов*. Возможно, так он представлялся сам. Но его светские начальники в Новгородской земле, а также кураторы в Москве зовут его в 1505 г. по прижизненному прозвищу — *Щербатый*, *Щербач*. Будучи направлен в Рим в ранге гонца (*легкого посла*), он упоминается в посольской книге без прозвища, но с указанием на род и на его занятие — просто *Митя Герасимов*, *толмач нѣметский*. Наконец, летописец, говоря о его переводах, называет его *Митей Малым*, чтобы отделить от других, старших, переводчиков и писателей, носивших имя *Дмитрий*.

Таблица 1

Вероятные обозначения Дмитрия Герасимова

	Прижизненное прозвище	Родовое имя	Дополнительный идентификатор
Посольские грамоты	<i>Дмитрий Щербатый</i> [ПДС 1: 125—126] <i>Дмитрий Щербач</i> [ПДС 1: 139]	Нет	<i>Митя Герасимов</i> , <i>толмач нѣметский</i> [ПДС 35: 692]
Книжные источники	Нет	<i>Дмитрий Герасимов</i>	<i>Митя Малой</i>

7.6. Есме и естя в Ивангороде

В посольских грамотах ВКМ, написанных в Москве, северо-западной диалектной формы 1 л. мн. ч. *есме* нет. В посольских книгах сношений с Римской Империей мы обнаружили две присланные в июне 1505 г. в Москву грамоты, отклоняющиеся от стандарта переписки ВКМ. В одной из них (что необычно — переводной) дважды встретилась форма *есме*. В другой грамоте — оригинальной, пересланной в Москву одновременно с первой, представлена не только стандартная для идиома ВКМ форма 1 л. мн.ч. *есмя*, но и одно из первых употреблений образованной по аналогии московской/ центрально-великорусской формы 2 л. мн. ч. *естя*²⁹. Автором оригинальной грамоты был ивангородский наместник князь *Константин Ушатый*, писцом переводной — новгородский переводчик на службе ВКМ Дмитрий Щербатый (предположительно — книжник Дмитрий Герасимов). Отправка этих грамот связана с нетипичной ситуацией.

16 июня 1505 г., в последние месяцы жизни Ивана III, ивангородский наместник князь Константин Ушатый отправил в Москву по инстанции через своих начальников, новгородских наместников, князей Даниила Васильевича Щени Патрикеева и Василя Шуйского, донесение о чрезвычайном происшествии — внезапном появлении на границе гонца императора Священной Римской Империи Максимилиана I, по имени *Юшть* (⇒ Юстус³⁰) *Кантингер*. Гонец затребовал

²⁹ Первый пример фиксации *естя* (в локальных актах ВКМ), как указывает А. М. Молдован [2020], всего на два года раньше.

³⁰ В посольских книгах имя имперского гонца порой обретает диковинную уменьшительную форму: *Юдокъ* и даже *Едокъ*.

знакомого ему переводчика Дмитрия Щербатого в сопровождении подьячего, чтобы передать в Москву письма от императора и его сына короля Филиппа. Кроме того, у Ушатого потребовали аудиенции ливонцы, которые известили его о предстоящем приходе императорских послов в Москву. Это было исполнено. Дмитрий Щербатый перевел эти грамоты или воспроизводящие их слова гонца, которые Константин Ушатый отослал в Москву вместе со своим письмом. Как следует из приложенного письма князей Щени с Шуйским, других переводчиков, которые могли бы решить эту задачу, в тот момент в Новгородской земле не было [ПДС 1: 125]. Поскольку ливонцы пришли к Ушатому в Ивангород со своим толмачом, можно заключить, что речь шла о письменном переводе с латинского языка; кроме того, в Новгороде традиционно были люди, говорившие по-немецки. Слова Щени и Шуйского «*Прислалъ, государь, намъ съ Иванягорода, князь Костянтинъ Феодоровичъ свою грамоту да грамоту Цесарского короля, да Испанского короля. И тое, государь, грамоты, у насъ перевѣсти нѣкому, и мы, государь, тѣ грамоты послали к тебѣ ко государю*» можно толковать двояко. Либо они отослали в Москву имперские грамоты без русских списков, которые были сделаны чуть позднее, либо не захотели верифицировать перевод, который до них был сделан в Ивангороде Дмитрием. Возможно, они побоялись вскрывать грамоты, адресованные Великому князю, чтобы не дать повод обвинить себя в измене³¹. Однако из их же слов «*И тое, государь, грамоты, у насъ перевѣсти нѣкому*», вытекает, что они имели право так поступить с приходящими к ним грамотами. Нам кажется крайне маловероятным, чтобы имперские грамоты ушли в Москву без русских списков Дмитрия, поскольку все грамоты из Ивангорода попали в Москву 16 июня 1505 г., а уже 19 июня 1505 г. в Ивангород был отправлен подробный ответ.

Имеются явные основания отождествить Дмитрия Щербатого, далее названного в пришедшей из Москвы грамоте *Дмитрием Щербачом* [ПДС 1: 139], с книжником Дмитрием Герасимовым, участвовавшим в составлении Геннадиевской библии 1499 г. (см. [Томеллеры 1999: 21]), а позже сотрудничавшим с Максимом Греком в 1518 г. (о последнем письменном переводе Герасимова, сделанном ок. 1535 г., см. [Томеллеры 2017]). На помощь Щербачу в Ивангород в 1505 г. был отряжен тот самый толмач *Влас Игнатов*, вместе с которым Герасимов позже переводил речи Максима Грека. Более того, отвечать имперскому гонцу Влас с Дмитрием по инструкции должны были вместе [Там же: 132]. Тем самым, Дмитрий Щербатый явно разделяет с книжником Дмитрием Герасимовым не только навыки (переводит с немецкого и латинского), но и часть биографии. Так или иначе, из посольских книг мы знаем, что переводчик Дмитрий Щербатый был связан с Новгородом

³¹ Когда Юстус Кантингер в 1506 г. сам прибыл в Москву с грамотами, печать его грамоты была порушена, и к грамоте возникли претензии, но ему удалось оправдаться тем, что к грамоте дважды была приложена *королевская рука*, которую московские толмачи признали подлинной [ПДС 1: 146]. Возможно, в 1505 г. грамоты Кантингера были не в лучшем состоянии, и Щени с Шуйским не пожелали ставить себя под удар и сразу объявили о том, что они имперских грамот не трогали.

и Ивангородом и бывал в немецкоязычных землях, где ранее встречал гонца Юшта Кантингера³².

Переводные грамоты Щербатого/Герасимова написаны книжным языком. В грамоте Максимилиана связка 1 л. мн. ч. не встретилась, а в грамоте Филиппа дважды употреблено диалектное *есме*:

- (22) Понужаеми **есме**, наияснѣишии начальниче, о вещи необычной и наипача нами невидѣнной къ высотности Вашей грамоту дати. [ПДС 1: 128];
- (23) И нынѣ **есме** первое уверилися, коимъ чиномъ въ брани нѣкоеи и валкѣ недавно противу болшого нѣмецкого чина великого магистра и вѣрныхъ и православныхъ тое жѣ ливонские отчины, и иныхъ ихъ тоземцевъ и порубежеи отъ ясности вашей крѣпко побѣжая пленени быша мнози и поимани отъ вашихъ, ведени и велми тесно въ тѣмницу заключени. [Там же].

Не совсем ясно, почему Дмитрий остановил свой выбор на диалектной форме *есме*, но, видимо, альтернативы были непривлекательны. Книжную форму *есмы* он мог забраковать как неуместный для грамоты церковнославянизм, а якаящая форма *есмя* могла восприниматься им как вульгарная и плохо сочетающаяся с риторикой грамоты.

Грамота князя Константина Ушатого, напротив, написана разговорным языком на якаящем центрально-великорусском диалекте: здесь, помимо *есмя* и *естя* (1 пример при 2 примерах формы *есте*), есть также форма *нелзя*³³. Встречается конструкция *им. п. + инфинитив*, причем после каузативного предиката *а велѣно*, что несвойственно русскому языку XI — начала XV в. [Циммерлинг 2019а: 304, 315] и нехарактерно для московских посольских грамот ВКМ:

- (24) А самому ми у вашего князя не велѣно быть, а **велѣно ми ему та грамота дать** из Ругодива, а мнѣ ждаты тое грамоты отвѣта въ Ругодивѣ. [ПДС 1: 129].

Яркий пример яканья — *иванягородский* — представлен также в краткой грамоте Щени и Шуйского [Там же: 125]. В грамоте Ушатого стоит *-е-*: *иванегородскои* [Там же: 126]. Еще два примера с *-е-* есть в ответной московской грамоте, отправленной в Ивангород: *иванегородская грамота, намѣстникъ иванегородскои* [Там же: 131—132]. В названии города ответная московская грамота дает форму *Иваньгород* (2 раза), ср. также *на рѣку ли на Ивань ли городъ* [Там же: 132] но *Иваньгородъ* в памяти для Власа.

Итак, две грамоты, пересланные в Москву из Новгорода с одним и тем же гонцом³⁴ в июне 1505 г., написаны на разных идиомах старорусского языка. Скорее

³² При дворе Ивана III к 1505 г. позабыли детали первого визита Юшта в Москву в 1502 г., поэтому Власу предписывалось навести у Дмитрия о нем справки [ПДС 1: 139]. Эта деталь, возможно, указывает на то, что между 1502 и летом 1505 г. в Москве сменилась часть дьяков и подьячих.

³³ Употребление формы 1 л. мн.ч. *есмя* отнюдь не всегда предполагало последовательное отражение яканья в других словах. В Имперской книге, л. 1 — 167 в предикативе (*не*)*лзѣ* отражаются формы без яканья: *лзѣ* [ПДС 1: 86], *нелзѣ* [Там же: 96], *нелзе* [Там же: 104].

³⁴ Имя гонца известно — это был *Степан Ширяев сын Левонтьева* [ПДС 1: 125].

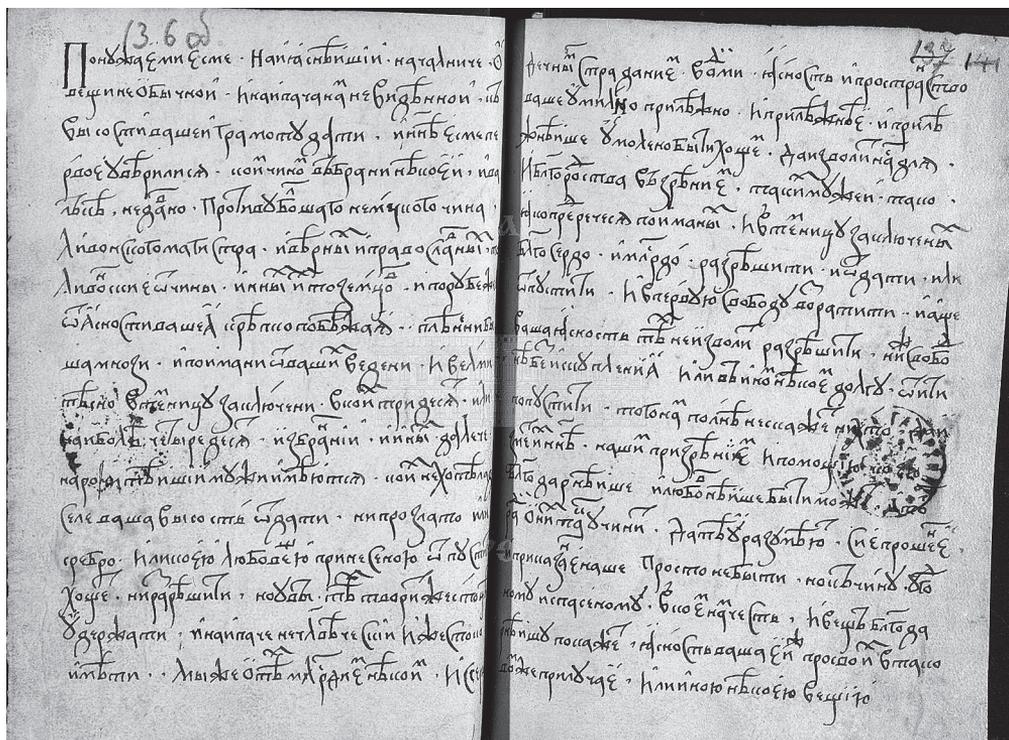

Рис. 1. Имперская книга (РГАДА, ф. 32., оп.1, №1), л. 136 об.
 Форма 1 л. еме употреблена в первой и третьей строчках

всего, их включили в посольские книги без правки. Парадоксальным образом, отголоски новгородского диалекта обнаруживаются в переводной грамоте, написанной книжным слогом, в то время как написанная разговорным языком оригинальная грамота московского наместника, скорее всего, к этому диалекту отношения не имела. Как и в случае с кафинскими грамотами Алакозя, мы видим, что оригинальные и переводные грамоты, написанные на идиомах, отличных от московского, не подвергались языковой правке со стороны составителей посольских книг, если они считали форму изложения адекватной.

8. Параметрическое варьирование и статистически значимое распределение

Большинство морфосинтаксических параметров, значение которых проверяется по корпусам текстов современных и древних языков, допускают внутриязыковое варьирование. Если при описании разных языков или разных идиомов одного языка используется одна и та же сетка параметров или признаков, что соответствует современным подходам в социолингвистике и лингвистической типологии [Henry 1998; Baker 2008; Лютикова, Герасимова 2019; Лютикова, Циммерлинг 2018; Циммерлинг 2018], в простейшем случае можно ожидать распределения вида (v), (vi), (vii):

- (v) Идиом 1 предпочитает вариант А, но допускает вариант В. Идиом 2 предпочитает вариант В, но допускает вариант А. <зеркальное соответствие идиомов>.
- (vi) Идиом 1 предпочитает вариант А, но допускает вариант В. Идиом В обобщает вариант В. <асимметричное соответствие>.
- (vii) Идиомы 1 и 2 ведут себя в плане употребления вариантов А и В одинаково.

Сценарий (vii) означает, что выбранный признак не различает идиомы 1 и 2. Это может быть связано либо с тем, что ни вариант А, ни вариант В ни в одном идиоме не имеют приоритета, либо с тем, что соотношение А/В неизменно, при том, что один и тот же вариант является приоритетным в обоих идиомах.

К настоящему времени выборочно описано всего несколько параметров и диагностических признаков позднерусской грамматики. В их числе — грамматикализованные или тяготеющие к грамматикализации правила контактного расположения энклитик, так называемые правила рангов энклитик в полоцких грамотах [Дойкина 2019], синтаксис не книжного плюсквамперфекта [Циммерлинг 2019б] и употребление слова *будет* в союзной функции [Пенькова 2014].

В данной статье распределение порядков связочных энклитик плюсквамперфекта впервые проверяется на материале посольских книг Ивана III. Кроме того, мы сопоставили дистрибуцию двух формул — формулы аутентификации ‘*то есть/то суть наши речи*’ и формулы рекламации ‘*гораздо ли ся то/ то ся дѣеть*’ в массивах посольских грамот ВКЛ и ВКМ. Строго говоря, данные формулы как часть текста посольских грамот являются диагностическими маркерами идиомов ВКЛ и ВКМ, а не параметрами грамматики как таковыми. Однако их легко задать на более абстрактном метаязыке синтаксического описания. В этом случае выбор варианта ‘*то суть наши рѣчи*’ будет интерпретирован как реализация ‘механизма согласования связки с постфинитной подлежащей именной группой’, а выбор варианта ‘*то есть наши речи*’, соответственно, — как отсутствие согласования с группой указанного типа. Порядок слов ‘*гораздо ли то ся дѣеть*’ в этом случае интерпретируется не только как факт, касающийся употребления конкретного клише, но и как ‘грамматикализация правила рангов, где безударное неодушевленное местоимение *то* трактуется как часть цепочки энклитик и ставится перед возвратной энклитикой’. Соответственно, отсутствие линейного порядка *ли то ся* в формуле рекламации будет интерпретировано либо как отражение другого правила рангов энклитик, если реальная картина соответствует сценарию (v), либо как отсутствие грамматикализованного правила рангов при данном сочетании элементов, если реальная картина соответствует сценарию (vi). Реализация сценария (vii) будет означать отрицательный результат применения процедуры — в этом случае сам параметр подобран неверно.

Выше в разделе 7. уже упоминался еще один возможный сценарий, когда варьирование внутри одного идиома устранено, но введение параметра позволяет представить соотношение идиомов как ситуацию межъязыкового варьирования:

- (viii) = (iv) Идиом 1 имеет вариант А, идиом 2 имеет вариант В, идиом n — вариант N. <межъязыковое варьирование>

8.1. Разбиение на периоды

Выделение двух периодов в массиве посольских грамот Ивана III мотивировано двумя обстоятельствами. Во-первых, с конца 1490-х гг. интенсивность дипломатической переписки повышается. Во-вторых, в 1490-х гг. меняется поколение московских послов и служилых людей. В самой первой дошедшей до нас посольской грамоте Ивана III под 1474 г. фигурирует посол Никита Васильевич Беклемишев, известный по локальным актам с 1460-х гг. В 1490-е гг. в посольских книгах начинает упоминаться его сын Иван Никитич Берсень (ум. в 1525 г.). В 1490 г. он выступает в качестве пристава, а в 1504 г., тридцать лет спустя после отца, сам едет послом в Крым, ср. о нем [Зимин 1972: 272–273].

8.2. То есть наши рѣчи

В речах послов почти всегда присутствует формула аутентификации типа ‘изложенному верить’. В паре ВКМ ~ ВКЛ данная формула обычно имеет вид *то есть/суть наши рѣчи*. Проведенный анализ показал, что в массиве грамот ВКМ, адресованных литовской стороне, связка почти всегда стоит в ед. ч., а в массиве грамот ВКЛ, адресованных московской стороне, — почти всегда стоит во мн. ч. Данные указаны в таб. 2. Отдельная статистика приводится по периодам 1487—1499 гг. и 1500—1505 гг.

Таблица 2

Формула аутентификации в переписке с ВКЛ

I. 1487—1499 гг.			
Значение параметра	Реализация	Массив ВКМ	Массив ВКЛ
связка в ед. ч.	то есть наши рѣчи	44	1
связка во мн. ч.	то суть наши рѣчи	0	25
связка опущена	то наши рѣчи	0	0
II. 1500—1505 гг.			
Значение параметра	Реализация	Массив ВКМ	Массив ВКЛ
связка в ед. ч.	то есть наши рѣчи	5	1
связка во мн. ч.	то суть наши рѣчи	0	7
связка опущена	то наши рѣчи	0	5
Всего:		49	39

Московский порядок *то есть наши рѣчи* по одному разу встречается в литовском массиве ближе к концу выделенных периодов, что примерно совпадает с окончанием очередной посольской тетради. 5 примеров с опущением связки — *бо то наши/мои речи* имеют иное объяснение: по-видимому, такой вариант утвердился в приказном стиле ВКЛ именно в 1500-е гг. Из 5 примеров 1 встретился в речи гонца Петрашки Эпимаховича, полочанина, а 3 примера пришлось на письма великой княгини Елены своему отцу Ивану III и прочим членам семьи. Историки спорят, были ли эти письма, где Елена укоряет отца и просит заключить мир,

действительно написаны ею самой или же их записали под диктовку неких польско-литовских советников. Наши данные говорят о том, что в январе 1497 г., два года спустя после приезда в Литву, Елена или ее писец еще употребляет в своем письме (№ 44) московский вариант *то есть наши рѣчи*, а в начале 1500 г. переходит на вариант, компромиссный между идиомами ВКЛ и ВКМ.

8.3. Порядок связок плюсквамперфекта

Недавно было установлено, что в конструкции некнижного плюсквамперфекта, или сверхпрошедшего времени (ср. *послалъ былъ*), московский диалект и (юго-)западные диалекты обобщили разный порядок связочных энклитик в 1–2 л.³⁵ В XIV — первой половине XV в. в московском диалекте доминировал контактный порядок *<послалъ> есмь былъ <что> есмь былъ <послалъ>*, а в языке полоцких грамот XIV — начала XVI в. был обобщен обратный порядок *<послалъ> былъ есмь | <что> былъ есмь <послалъ>*. В XVI в. контактный порядок *былъ есмь* утвердился и в московском диалекте [Циммерлинг 2019б]. Порядок связок плюсквамперфекта в московских памятниках конца XV в. ранее не изучался, поэтому массив посольских грамот Ивана III в этом плане особо важен. Конструкция некнижного плюсквамперфекта была приурочена к контекстам отмененного (X выехал, но вернулся обратно) или утратившего актуальность действия (X послал Y-у письмо, но адресат письма умер), ср. подробнее [Петрухин 2013]. В контекстах данного типа некнижный плюсквамперфект можно воспринимать как клише приказного стиля. Чтобы проверить порядок связок, нужны предложения в 1–2 л., так как в 3 л. в конструкции плюсквамперфекта связки наст. вр. не было. Примеры с дистантным расположением связок плюсквамперфекта, типа *<послалъ> есмь ... былъ*, для выявления диалектных черт синтаксиса менее важны: на дистантные порядки связок не распространяются ограничения, связанные с реализацией цепочки древнерусских энклитик.

С учетом диахронической тенденции к сдвигу *<послалъ> есмь былъ* ⇒ *<послалъ> былъ есмь* в московском диалекте рабочая гипотеза такова: в массиве грамот ВКЛ ожидается фиксированный порядок *былъ есмь*, а в массиве оригинальных грамот ВКМ ожидаются колебания, с увеличением доли порядка *былъ есмь* к концу периода. Проведенный предварительный анализ показал, что этот прогноз в основном оправдался, но в блоке сношений с ВКЛ статистически значимой выгрузки для контактных порядков нет. Косвенным подтверждением можно считать появление варианта с опущением связки наст. вр. в 1–2 л., ср. в идиоме ВКЛ в грамоте 1488 г.: *Ино мы про то были послали отъ насъ намѣстника на Великие Луки пана Сенка Григорьевича дѣлъ нашихъ смотреть и дани на тое брать* [ПДС 35: 15] и в идиоме ВКМ в грамоте 1501 г.: *А мы были взяли любовь и dokonчание съ*

³⁵ Ограничение связано с принципами расстановки древнерусских энклитик. В конструкции перфекта типа *былъ есмь дома* ~ *есмь былъ дома* форма *былъ* не имела статуса энклитики, поэтому порядок мог быть любым.

великим князем Александромъ и свойство съ нимъ учинили [Там же: 318]. Такой выбор уместен в ситуации, где связка наст. вр. становится факультативной, а пишущий колеблется между порядками *есми былъ* и *былъ есми*.

Таблица 3

Порядок связок плюсквамперфекта в переписке с ВКЛ

I. 1487—1499 гг.			
Значение параметра	Реализация	Массив ВКМ	Массив ВКЛ
связка наст. вр. > связка пр. вр.	ЕСМЬ БЫЛЪ	0	0
связка пр. вр. > связка наст. вр.	БЫЛЪ ЕСМЬ	0	2
связка наст. вр. опущена	∅ БЫЛЪ	0	3
II. 1500—1505 гг.			
Значение параметра	Реализация	Массив ВКМ	Массив ВКЛ
связка наст. вр. > связка пр.вр.	ЕСМЬ БЫЛЪ	1	0
связка пр. вр. > связка наст. вр.	БЫЛЪ ЕСМЬ	1	1
связка наст. вр. опущена	∅ БЫЛЪ	5	3
Всего:		7	8

Переписка с Крымской, Ногайской Ордами и Кафой дает большую выгрузку, но в общем случае неизвестно, относится ли перевод с татарского, сделанный билингом, к диалекту, отличному от московского. В оригинальных московских текстах в 1474 — 1499 гг. примеров контактного порядка связок плюсквамперфекта нет, но есть 4 примера с опущением связки наст. вр. Это соответствует картине, которая наблюдается в переписке с ВКЛ. В период 1500—1505 гг., в соответствии с прогнозом, наблюдаются колебания между порядком связок *есми былъ* (10 примеров) и *былъ есми* (7), еще 5 примеров показывают опущение связки. В переводном массиве изначально преобладает свойственный западному диалекту порядок *былъ есми* (7 примеров против 0, самый ранний пример зафиксирован в октябре 1487 г. в грамоте Муртазы, переведенной неизвестным лицом), в 1500 — 1505 гг. картина существенно не меняется (6 примеров против 2).

Таблица 4

Порядок связок плюсквамперфекта в переписке с Крымом

I. 1474—1499 гг.			
Значение параметра	Реализация	Массив ВКМ	Переводной массив
связка наст. вр. > связка пр. вр.	ЕСМЬ БЫЛЪ	0	0
связка пр. вр. > связка наст. вр.	БЫЛЪ ЕСМЬ	0	7
связка наст. вр. опущена	∅ БЫЛЪ	4	1
II. 1500—1505 гг.			
Значение параметра	Реализация	Массив ВКМ	Переводной массив
связка наст. вр. > связка пр.вр.	ЕСМЬ БЫЛЪ	10	2
связка пр. вр. > связка наст. вр.	БЫЛЪ ЕСМЬ	7	6
связка наст. вр. опущена	∅ БЫЛЪ	5	5
Всего:		26	21

Большее приближение к «западному» порядку связок в переводных посольских грамотах, записанных московскими переводчиками, можно объяснить тем, что в последние десятилетия XV в. в московском диалекте наметился сдвиг <послалъ> *если былъ* ⇒ <послалъ> *былъ если*, при этом переводчики-билингвы в большей степени, чем составители оригинальных московских грамот, ориентировались на новую норму.

8.4. Формула рекламации и место возвратной клитики

В массиве посольских грамот ВКЛ регулярно используется клише ‘*гораздо ли то ся дѣеть*’, которое можно назвать ‘формулой рекламации’: дипломатический агент озвучивает претензии к другой стороне (грабежи, убийства, захват территории, задержка гонцов, волокита, вероломство и т. п.) и после этого задает риторический вопрос, соответствует ли поведение контрагента правильному стандарту поведения. Формулы рекламации и жалобы на обиды литовской стороны присутствуют и в московских грамотах ВКМ, но ровно такой порядок энклитик *ли то ся* почти не встречается.

8.4.1. Позиция местоимения *то* и процедура определения его ударности/безударности

По предварительной гипотезе, в идиоме ВКЛ, как и в некоторых древних западнославянских языках (ср. [Циммерлинг 2013: 469; Zimmerling 2014: 401] для древнечешского), имеется тенденция к вовлечению безударного неодушевленного местоимения *то* (им. — вин. п. ср. р. ед. ч.) в правило рангов энклитик и постановке его после энклитических частиц (для идиома ВКЛ это, прежде всего, *же, ли* и *бы*), но перед старыми местоименными энклитиками.

Др.-рус. *ли* и *ся* обладают всеми свойствами энклитик: они не могут начинать предложения и имеют фиксированное место по отношению ко всем прочим древнерусским энклитикам [Зализняк 2008: 28]. Др.-рус. *тъ* > *то* полной свойств энклитик не обладает: оно может быть как ударным, так и безударным, стоять как в начале предложения, так и во внутриклаузуальной позиции. Поэтому интерпретация *то* как энклитики существенно зависит от занимаемого данным элементом места. Если *то* устойчиво воспроизводится в неначальной позиции в составе цепочки *ли то ся*, это значит, что *то* в данной позиции трактуется как энклитика, поскольку, по общему принципу, цепочки энклитик не могут произвольно разбиваться ударными словами [Зализняк 1993: 281]. Напротив, при порядке *ли ся то* на основе письменного текста, как правило, невозможно определить, произносилось ли *то* как ударное или безударное слово, если непосредственно после него не было другой энклитики (ср. теоретически возможную комбинацию ... *ся то если*). Полная форма указательного местоимения (*тое*) не энклитизировалась, поэтому в порядках типа *ли ся то е* ее следует интерпретировать как ударную.

8.4.2. Распределение порядков с энклитическим и не энклитическим *то*

Материал подтвердил гипотезу о том, что энклиза *то* при порядке *ли то ся* характерна для идиома ВКЛ и нехарактерна для идиома ВКМ, но выгрузка оказалось небольшой. Это предсказуемо, поскольку в 83 блоках переписки формула рекламации не может повторяться неограниченное количество раз; кроме того, не каждая посольская грамота связана с рекламацией. Для грамот ВКМ контактная реализация безударного *то* с энклитикой *ся* нехарактерна: можно с определенностью утверждать, что говорившие на идиоме ВКМ/писцы ВКМ обычно избегали таких порядков в устной речи и на письме. Именно поэтому наиболее распространенной московской стратегией реализации формулы рекламации был вариант без энклитики *ся*: *гораздо ли то, гораздо ли такъ*. Тем не менее два примера с порядком *ли то ся* в массиве ВКМ все же обнаруживаются. И наоборот, в массиве ВКЛ находятся два примера с порядком *ли ся то*. Это подтверждает изначально принятую гипотезу о том, что правила упорядочивания безударного *то* носят статистический, а не жестко детерминированный характер в обоих идиомах, при этом тенденция к энклитизации *то* в идиоме ВКЛ выражена сильнее. Литовцы жалуются в посольских грамотах чаще: 40 примеров при 24 примерах в идиоме ВКМ. К 1500 — 1505 гг. положение слегка меняется, при общем убывании выгрузки. Но едва ли это связано с собственно языковыми особенностями грамот.

Таблица 5

Формула рекламации в переписке с ВКЛ

I. 1487—1499 гг.			
Значение параметра	Реализация	Массив ВКМ	Массив ВКЛ
<i>то</i> — часть цепочки энклитик	гораздо ли то ся	1	10
ударность <i>то</i> не определяется	гораздо ли ся то	0	2
ударное местоимение после <i>ся</i>	ли ся то е	0	2
местоименное наречие после <i>ся</i>	(ли) ся такъ	4	2
<i>ся</i> после <i>ли</i> опущено	гораздо ли то, гораздо ли такъ	9	19
<i>ся</i> клитизируется к глаголу	гораздо ли то деѣтся	0	1
		14	36
II. 1500—1505 гг.			
Значение параметра	Реализация	Массив ВКМ	Массив ВКЛ
<i>то</i> — часть цепочки энклитик	гораздо ли то ся	1	2
ударность <i>то</i> не определяется	гораздо ли ся то	0	0
ударное местоимение после <i>ся</i>	ли ся то е	0	0
местоименное наречие после <i>ся</i>	(ли) ся такъ	0	0
<i>ся</i> после <i>ли</i> опущено	гораздо ли то, гораздо ли такъ	9	2
<i>ся</i> клитизируется к глаголу	гораздо ли то деѣтся	0	0
		10	4
Всего:		24	40

9. Осознанное и автоматическое. Статистика и запрет

У читателя, воспитанного на историко-филологической традиции, может возникнуть вопрос, был ли выбор той или иной формы или порядка слов в зоне варьирования осознанным и как статистические данные о распределении значений параметров в массивах посольских грамот, составленных разными людьми, согласуются с данными о предполагаемых авторских употреблениях наиболее образованных писцов и переводчиков, вроде Дмитрия Герасимова и Абляз Бакшея.

Мы полагаем, что ответ на этот вопрос зависит от избранных для проверки параметров и от количества текстов. Собственно языковые механизмы всегда реализуются автоматически, независимо от того, становятся ли они предметом рефлексии говорящих и пишущих. В этом плане правила порядка слов, если они выделены верно, ничем не отличаются от правил употребления звуков /e/ и /ja/ в ударном и безударном положении. Для доказательства этого утверждения нужна количественная база, которой в исторических корпусах текстов часто не хватает. Но как раз посольские книги Ивана III в плане объема выгодно отличаются от других коллекций древнерусских и старорусских грамот. Отрицательный момент состоит лишь в отсутствии корпуса как такового и критического издания, что технически затрудняет извлечение и обработку данных.

Распределение значений параметров, регулирующих порядок слов в конструкции плюсквамперфекта с *был* и рассмотренных формулах аутентификации и рекламы в идиомах ВКЛ и ВКМ, носит статистический характер: в каждом случае, по крайней мере в одном из сопоставляемых идиомов, обнаруживаются выраженные предпочтения. Эти статистические предпочтения объективны и служат главным фактором выбора линейного порядка в каждой из изученных трех конструкций, хотя прямого запрета на другой порядок не было. Использование запасных стратегий в ситуации выбора между конкурирующими порядками $a > b$ vs $b > a$, например, опущение связки наст. вр. в плюсквамперфекте и в формуле аутентификации, т. е. реализация фраз типа *вы* ∅ *были дали* при наличии вариантов *дали были есте* ~ *дали есте были* и *то* ∅ *наши рѣчи* в ситуации выбора между формами ед. и мн. ч. *то есте наши рѣчи* ~ *то суть наши рѣчи* весьма показательны. Такие стратегии свидетельствуют либо об отсутствии приоритета в данном идиоме, либо о наметившемся синтаксическом сдвиге.

Грамматикализованные запреты на линейные порядки, формы слов и комбинации элементов действуют несколько иначе. Если человек владеет только своим идиомом, где обязательны форма 1 л. мн. ч. *есмо*, а союз 'что' произносится *що*, его письмо просто отражает устную практику. Именно так следует расценивать два кафинских письма, зачитанных в Москве в 1501—1502 гг.. Даже если их автор, говоривший на староукраинском идиоме, понимал, что письма попадут в московский архив, у него не было ни желания, ни умения подстраиваться под нормы московского диалекта. Аналогичным образом мы интерпретируем большинство оригинальных московских грамот: в них нет черт идиома ВКЛ не потому, что писцы их избегали, а потому, что они им активно не владели. Напротив, для билингвов,

переводивших с татарского на идиом ВКМ, соблюдение норм этого диалекта было условием успешности их работы. Поэтому, даже если они слышали другие формы 1 л. мн. ч., кроме *есмя*, они неизменно употребляли ту форму, которая была частью освоенной ими приказной традиции. Наконец, полиглот Дмитрий Щербатый (⇒ ?Дмитрий Герасимов), переводивший с далеких языков высоким слогом, столкнулся с контекстом, где церковнославянское *есмы* было неуместным, а формы *есмя* (ВКМ) и *есмо* (ВКЛ) воспринимались как простецкие. В этой ситуации он прибег к своей диалектной новгородской форме 1 л. мн. ч. *есме*, которую он мог считать архаичной. И современные лингвисты его поддерживают, так как центрально-великорусское *есмя* с эффектом яканья возникло именно из *есме*. Это уже свидетельствует об определенном уровне метаязыковой рефлексии со стороны образованного носителя старорусского языка.

Описанные в данной статье три конструкции (плюсквамперфект с *был* и две клишированные формулы), а также выражаемые ими значения и связанные с ними речевые действия — обозначение ретроспективного сдвига, аутентификация говорящего и рекламация на поведение адресата — могут показаться маргинальными. Но это — лакмусовая бумажка, маркеры русских идиомов конца XV в. и связанных с ними массивов грамот. Чем больше таких маркеров, опирающихся на параметры грамматики русского языка конца XV в., будет проверено, тем точнее будут определены эти идиомы.

Проверка жестко закрепленных за группами восточнославянских диалектов маркеров *есмо* vs *есме* vs *есмя* и *што* vs *что* vs *цо* на массиве грамот, где диалекты писцов заранее точно неизвестны, тоже дает повод для количественных методов, но в ином плане. При оценке параметрического варьирования в зоне, где прямых запретов нет, в иных терминах — там, где варьирование в н у т р и одного и того же идиома допустимо, лингвистически наиболее содержательные результаты связаны со статистикой варианта, приоритетного для проверяемого идиома. Изначально принимаемая гипотеза заключается в том, что при проверке значения некоторого параметра в двух или более идиомах такой приоритетный вариант обнаруживается хотя бы в одном идиоме (см. выше сценарий (v) в п. 8), если сам параметр выделен правильно. Напротив, при оценке межъязыкового варьирования — см. выше сценарий (viii) — на множестве текстов, где число идиомов заранее неизвестно, лингвистически наиболее содержательные результаты связаны с пороговым числом исключений. Так, в массиве посольских грамот, где значительное большинство текстов написаны на идиоме ВКЛ (форма связки 1 л. ед. ч. *есмо*) либо на идиоме ВКМ (форма связки 1 л. ед. ч. *есмя*), уже само появление какой-то иной формы 1 л. ед. ч., например, *есме* в грамоте Дмитрия Щербатого (см. выше раздел 7.5) дает повод для гипотезы, что такая грамота написана на идиоме, не совпадающем ни с идиомом ВКМ, ни с идиомом ВКЛ. Но подтвердить эту гипотезу удастся только потому, что в массивах посольских грамот ВКЛ и ВКМ нет варьирования типа *есмо* | *есме* и *есмя* | *есме* или число исключений статистически ничтожно. Ключевое значение имеет тот факт, что варьирования такого типа нет в той же самой коллекции данных: как указано выше в разделе 3.4, форма *есме*

существовала на территории ВКЛ вплоть до 1465 г. и другая коллекция текстов — массив полоцких грамот — реально отражает варьирование *есмо* | *есме*.

Вполне очевидно, что определять идиомы по единственному лингвистическому параметру или признаку нельзя. Так, в идиоме ВКЛ связка 1 л. мн. ч. имеет вид *есмо*, и этого признака достаточно для противопоставления идиому ВКМ, где та же связка 1 л. мн. ч. имела вид *есмя*. Однако в староукраинском языке XV в. связка 1 л. мн. ч. тоже имеет вид *есмо*. Добавление еще одного признака — реализации союза 'что' показывает, что использованный в посольских грамотах идиом ВКЛ характеризуется набором маркеров {*есмо, што*}, в то время как староукраинский язык двух кафинских грамот характеризуется маркерами {*есмо, що*}. Наконец, добавление третьего маркера — лексической изоглоссы, связанной с реализацией значения 'свидетель', показывает, что идиом кафинских грамот объединяется с идиомом ВКМ в том, что оба они используют лексему *послух*, в то время как в идиоме ВКЛ вместо нее использовались лексемы *свѣдок, свѣток* (см. раздел 7.3). Таким образом, идиом ВКМ имеет характеристику {*есмя, что, послух*}, идиом ВКЛ — характеристику {*есмо, што, свѣдок/свѣток*}, а идиом кафинских грамот — характеристику {*есмо, що, послух*} и т. п. Именно так, методом изоглосс, межъязыковое (междиалектное) варьирование традиционно описывается в исторической диалектологии, в том числе — в славянской. Мы старались показать, что сходные методы должны применяться и к случаям внутриязыкового варьирования в синтаксисе. Разные идиомы старорусского языка и близкородственных восточнославянских языков имеют непосредственно сопоставимые явления, что позволяет описать их грамматику при помощи одной и той же сетки параметров.

10. Выводы

Посольские книги Ивана III не являются вполне однородным в языковом отношении собранием текстов. Они дают богатую картину варьирования грамматики русского языка конца XV в. — первых лет XVI в., что позволяет при помощи лингвистических методов определить идиомы авторов и переводчиков посольских грамот. Варьирование порядка слов и способов реализации синтаксических конструкций отражает статистические предпочтения, которые сложились в доминирующих диалектах посольских книг — идиомах ВКМ (= «восточной диалект») и ВКЛ (= «западный диалект»).

Приходящие в Москву грамоты, написанные на других восточнославянских идиомах и диалектах, не подвергались существенной языковой правке при составлении посольских книг. Анализ статистических предпочтений и ограничений, связанных с четырьмя параметрами старорусского морфосинтаксиса и двумя лексическими изоглоссами, позволяет считать, что по этим параметрам идиомы ВКМ и ВКЛ четко различались, хотя расхождения в этот период не препятствовали общению.

По одному из проверенных параметров — синтаксису конструкции плюсквамперфекта с *был* — оригинальные московские грамоты противопоставлены переводным текстам, записанным билингвами — носителями татарского языка. Этот

результат может быть интерпретирован как свидетельство наметившегося к концу 1490-х гг. сдвига в идиоме ВКМ и приближение в плане синтаксиса плюсквамперфекта к тому стандарту, который ранее был закреплён в идиоме ВКЛ. При этом московские переводчики-билингвы в большей степени, чем авторы оригинальных грамот, ориентировались на речь младшего поколения.

Лингвистический анализ подтверждает утверждение Крымской книги о том, что две из четырех грамот, привезённых кафинским послом в Москву в 1501 г., были написаны русским письмом: эти две грамоты написаны на староукраинском языке в самой Кафе. В грамоте, присланной в июне 1505 г. из Ивангорода в Москву в переводе Дмитрия Щербатого, имеется бесспорная черта северо-западного (новгородского) диалекта. На основании лингвистических и исторических аргументов переводчик Дмитрий Щербатов может быть отождествлён с книжником новгородского происхождения Дмитрием Герасимовым. Разнобой в обозначениях этого лица объясняется тем, что составители посольских книг не заботились об унификации имен переводчиков, подьячих и приставов. Тем не менее, всех упоминаемых в староукраинской грамоте представителей ВКМ в кафинском суде можно непосредственно отождествить с подьячими московского посольства, отправленными в Кафу в сентябре 1500 г.

Источники

Даль П — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. 2. И — О. М., 1881.

ПДС 1 — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1. Сношения с государствами европейскими. Т. 1. Памятники дипломатических сношений с Империей Римскою. С 1488 по 1594 г. Спб., 1851.

ПДС 35 — Сборник императорского русского исторического общества. Т. 35. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским. Т. 1 (с 1487 по 1533 год). Спб., 1882.

ПДС 41 — Сборник императорского русского исторического общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и съ Турцией. Т. 1. С 1474 по 1505 год. Спб., 1884.

ПДС 95 — Сборник императорского русского исторического общества. Т. 95. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и с Турциею. Т. II. 1508—1521 гг. Спб., 1895.

Пещак 1974 — Грамоты XIV ст. / Ред. Пещак М. М. Київ, 1974.

Посольские книги России конца XV — начала XVI в.: URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/Posolbook/PosolBook.html>

Правящая элита русского государства последней четверти XV — начала XVI вв.: URL: <http://ruling-elite.spbu.ru/>

СРЯ XI–XVII, 8 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 8. М., 1981.

Хорошкевич 2015 — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Том 1–2 / Ред. Хорошкевич А. Л. М., 2015.

LM 3 — Lietuvos metrika. 3. 1440—1498. Vilnius, 2001.

LM 4 — Lietuvos metrika. 4. 1479—1491. Vilnius, 2004.

LM 6 — Lietuvos metrika. 6. 1494—1506. Vilnius, 2007.

Литература

Бантыш-Каменский Н. М. Реестр делам Крымского Двора с 1474 по 1779 года, учиненный Н. Н. Бантыш-Каменским в 1808 г. / Предисл. Ф. Ф. Лашкова. Симферополь, 1893.

Бережков Н. Г. Литовская метрика как исторический источник. Ч. 1. О первоначальном составе книг Литовской Метрики по 1522 г. М.-Л., 1948.

Голубинский Е. Е. История русской церкви. Период второй, московский. Т. 2. М., 1900.

Дойкина К. Ю. Некоторые особенности системы энклитик, отраженной в полоцких грамотах // Вестник Санкт-Петербургского университета, Сер. Язык и литература. Т. 16. 2019. № 3, С. 400 — 419.

Зайцев И. В. Великокняжеские служилые татары в XV — первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае. [Электронный ресурс] Адрес доступа: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jcrees/2013Osaka/14Zaytsevs.pdf> (дата обращения: 18.08.2019).

Зализняк А. А. Лингвистические исследования // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993. С. 191—321.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 2-е изд. М., 2007.

Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV в. — в первой трети XVI в. М., 1988.

Иванов Вяч. Вс. Славянские диалекты в соотношении с другими языками Великого княжества Литовского // Славянское языкознание. XIII международный съезд славистов. Люблина, 2003 г. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2003. С. 258–288.

Казакова Н. А. Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 248–266.

Казакова Н. А. Дмитрий Герасимов (Митя Толмач, Митя Малый) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Т. 2. Вып. 1. Л., 1988. [Цит. по: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=3816> (дата обращения: 18.09.2019).]

Корзинин А. Л. «Государь всяя Руси» Иван III и русская аристократия // Исторический формат. 2016. № 1 (5). С. 163—180.

Корзинин А. Л., Сосницкий Д. А. Электронный портал «Правящая элита русского государства последней четверти XV — середины XVI века»: электронная база данных и историко-генеалогическое исследование и цели его создания // Мавродинские чтения 2018. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2018. С. 233—236.

Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.; Л., 1960.

Лютикова Е. А., Герасимова А. А. Послеложные конструкции татарского языка: методики оценки внутриязыкового варьирования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 18 (25). 2019. С. 435—457.

Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В. Почему языки такие предсказуемые? Типология морфосинтаксических параметров // Типология морфосинтаксических параметров. Т. 1. Вып. 1. 2018. С. 11—30.

Молдован А. М. Вариативность связки 1 л. мн. ч. в древнерусской письменности // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 1. Грамматические процессы и системы в диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка. М., 2020. С. 182—197.

Мошкова Л. В. Кодикологический анализ посольских книг конца XV — начала XVI в.: поиск методики // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXIX Международной научной конференции. М., 2017а. С. 24—27.

Мошкова Л. В. Русские посольские книги: начало формирования // Великое стояние на реке Угре и формирование централизованного Российского государства: глобальные и локальные контексты. Материалы всесоюзной с международным участием конференции. Калуга, 2017б, С. 232—249.

Пенькова Я. А. О некоторых региональных различиях синтаксических стратегий в деловой письменности Руси XV в. // Писменото наследство и информационните технологии : материали от V международна науч. конф. (Варна, 15–20 септември 2014 г.) / Отв. ред. В. А. Баранов, В. Желязкова, А. М. Лаврентьев. София; Ижевск, 2014. С. 297—300.

Петрухин П. В. К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности // Wiener Slawistischer Jahrbuch. Neue Folge. Bd. 1. 2013. С. 74—98.

Рогожин Н. М. Посольские книги России конца XV — начала XVII вв. М., 1994.

Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980.

Томеллеры В. Заметки о деятельности Геннадиевского кружка // Russica romana. Vol. 6. 1999. С. 11 — 27.

Томеллеры В. С. Апостольский символ веры (Symbolum Apostolorum) в церковнославянском переводе Дм. Герасимова. Введение. Интерлинейное издание // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. Т. 16. 2017. №4. С. 6—40.

Циммерлинг А. В. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М., 2013.

Циммерлинг А. В. Два диалекта русской грамматики. Корпусные данные и модель // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 17 (24). М., 2018. С. 818—830.

Циммерлинг А. В. Кому *проспати заутрениа* и *ловити рыба*? Именительный падеж дополнения инфинитива как предмет грамматического описания // *Die Welt der Slaven*. 2019a. №2. С. 299—337.

Циммерлинг А. В. Связки плюсквамперфекта в русском языке XIV—XVI вв. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. Т. 18. 2019б. №4. С. 520—535.

Baker M. The macroparameter in a microparametric world // *The limits of variation* / Biberauer T. (ed.). Amsterdam, 2008. P. 351—370.

Henry A. Dialect variation, optionality and the learnability guarantee // *Linguistica Atlantica*. 20. 1998. P. 51—71.

Stang Chr. S. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935.

Stang Chr. S. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polock. Oslo, 1939.

Zimmerling A. Clitic Template and Discourse Marker TI in Old Czech // *New Insights into Slavic Linguistics*. Series: «Sprach und Kulturkontakte in Europas Mitte. Studien zur Slawistik und Germanistik». Frankfurt-am-Main, 2014. P. 393—406.

Anton V. Zimmerling

*Pushkin State Russian Language Institute / Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences / Moscow Pedagogical State University
(Moscow, Russia)
fagraey64@hotmail.com*

EAST IS EAST? TRANSLATED AND ORIGINAL LETTERS IN THE EMBASSY BOOKS OF IVAN III³⁶

This paper discusses the embassy books of Ivan III as key sources for the sociolinguistic situation in Middle Russian of the 15th century. The embassy books of Ivan III are a non-homogeneous collection of texts, since original texts written in the idiom of the Grand Duchy of Moscow have been supplemented by the original documents written in other Late East Slavic idioms as well as by translated documents. I argue that the newly added documents written in other Russian dialects and East Slavic idioms were normally

³⁶ This paper has been written with support from the Russian Foundation for Basic Research, project RFBR 17-04-00444, realized at Moscow Pedagogical State University.

not converted into the idiom of the Grand Duchy of Moscow. The original diplomas from the Grand Duchy of Moscow and the Grand Duchy of Lithuania were based on closely related and mutually intelligible idioms. The microparametric variation in these two idioms can be described on the basis of the same set of parameters for word order, dialectal isoglosses and distribution of the diagnostic constructions, such as the so-called vernacular pluperfect with *byl*. Intralinguistic variation is occasionally displayed in translated diplomas created by bilingual scribes proficient in the Tatar language. Such scribes tended to focus on the speech of the younger generation during a time of ongoing syntactic change in the Moscow dialect, whereas the authors of the original diplomas were more conservative. A linguistic analysis verifies the statement made in the embassy books that it was possible for Alagioz, the envoy of the Kefe Sultan, to deliver two letters written in ‘Russian letters’ in 1501: these two letters had indeed been written in Kefe by a scribe speaking a variety of Old Ukrainian. A clear marker of the North-Eastern dialect has been found in a translated document sent to Moscow from Ivangorod (Jaanelinn) in June 1505. The interpreter, a certain Dmitry Shsherbaty, can be identified with the Russian author Dmitry Gerasimov, who was of Novgorodian origin.

Keywords: Russian language of the 15th century, Grand Duchy of Moscow, Grand Duchy of Lithuania, embassy books, Tatar language, translation, parametric variation, word order, clitics, auxiliaries, pluperfect, identification of scribes, Dmitri Gerasimov.

References

Baker M. The macroparameter in a microparametric world. *The limits of variation*. Biberauer T. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 351–370.

Bantysh-Kamenskii N.N. *Reestr delam Krymskogo Dvora s 1474 po 1779 god, uchinennyj N.N. Bantysh-Kamenskim v 1808 godu* [The Registry for the Crimean Court affairs from 1474 to 1779 undertaken by N.N. Bantysh-Kamenskii in 1808]. Simferopol, Tauride Provincial Government Publ., 1893. (in Russ.)

Berezhkov N.G. *Litovskaja Metrika kak istoricheskii istochnik, 1. O pervonachal'nom sostave knig Litovskoj Metriki po 1522 god* [Lithuanian Metrics as a historical source, p. 1. On the initial composition of book in the Lithuanian Metrics by 1522 A.D.]. Moscow; Leningrad, Russian Academy of Science Publ, 1948. (in Russ.).

Doikina K. Yu. Nekotorye osobennosti sistemy enklitik, otrazhennoj v polockix gramotax [On the characteristics of the enclitic system in the Polock letters]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Ser. Yazyk i literatura*. T. 16. 2019. №3. P. 400–419 (in Russ.)

Golubinskii E.E. *Istorija russkoj cerkvi. Period vtoroj, moskovskij* [The History of the Russian church. Part 2, the Moscow period.]. Moscow, Imperial Society for History and Russian Antiquities, 1900. (in Russ.).

Henry A. Dialect variation, optionality and the learnability guarantee. *Linguistica Atlantica*. 20. 1998. P. 51–71.

Ivanov Vyach. Vs. Slavjanskije dialekty v sootnoshenii s drugimi jazykami Velikogo kniazhestva Litovskogo [Slavic dialects compared to other languages in the Grand

Dutchy of Lithuania]. *Slavjanskoe jazykoznanie. XIII mezhdunarodnyj s'ezd slavistov. Ljubljana, 2003. Doklady rossijskoj delegacii* [Slavic linguistics. XIII International Conference of Slavists. Ljubljana, 2002. Contributions of the Russian delegation]. Moscow, Indrik Publ., 2003. S. 258–288. (in Russ.)

Kazakova N. A. Dmitry Gerasimov i rusko-evropejskie kulturnye svjazi v pervoj treti XVI veka [Dmitry Gerasimov and Russian-European cultural contacts in the first third of the XVI century]. *Problemy istorii mezhdunarodnyx otnoshenij* [Issues in the history of international relations]. Leningrad, Nauka Publ. 1972. S. 248—266. (in Russ.)

Kazakova N. A. Dmitry Gerasimov (Mitja Tolmach, Mitja Malyj [Dmitry Gerasimov (Mitja Tolmach, Mitja Malyj)] // *Slovar kniznikov i knizhnosti Drevnej Rusi*. Vol. 2, issue 1. Leningrad. Institute of Russian Literature, Russian Academy of Science Publ., 1988. Quoted after: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=3816> (date of access: 18.09.2019).

Korzinin A. L. “Gosudar’ vseja Rusi Ivan III i russkaja aristokratija [“The Sovereign of all Russia” Ivan III and Russian aristocracy]. *Istoriceskij format*. 2016, № 1 (5). S. 163–180. (in Russ.)

Korzinin A. L. Sosnitskij D. A. Elektronnyj portal “Pravjashchaja elita russkogo gosudarstva poslednej chetverti XV — serediny XVI veka”: elektronnaia baza dannyx i I istoriko-genealogicheskoe issledovanie i celi ego sozdaniia [The online portal “The ruling elite of the Russian state of the last quarter of the XV — middle of the XVI centuries”: the web data base, its goals and the historical-genealogical analysis. *Mavrodinskie chtenija 2018. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 110-letiju so dnja rozhdenija professora Vladimira Vasiljevicha Mavrodina*. A. Ju. Dvornichenko (ed.). St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2018. P. 233–236. (in Russ.)

Lurie Ja. S. *Ideologicheskaja bor'ba v russkoj publicistike konca XV — nachala XVI veka* [The ideological struggle in the Russian pamphlets of the late XV — early XVI centuries]. Moscow, Leningrad, 1960. (in Russ.)

Ljutikova E. A., Zimmerling A. V. Pochemy jazyki takie predskazuemye? Tipologija morfosintaksicheskix parametrov [Why are world’s languages so predictable? Typology of morphosyntactic parameters]. *Typology of morphosyntactic parameters*. Vol. 1, issue 1. 2018. S. 11–30. (in Russ.)

Ljutikova E. A., Gerasimova A. A. Poslelozhnye konstrukcii tatarskogo jazyka: metodiki ocenki vnutrijazykovogo varjirovanija [Postpositional constructions in Tatar: methodologies for measuring intralingual variation]. *Computational linguistics and intellectual technologies, issue 18 (25). Proceedings of the international conference “Dialogue 2019”*. Moscow: Russian University of Humanities Publ., 2019. S. 435–457. (in Russ.)

Moldovan A. M. Variativnostj svjazki 1Pl v drevnerusskoj pismennosti. [The variation in the form of the 1 Pl. auxiliary in the Old Russian writing]. *Trudy Instituta russkogo jazyka imeni V. V. Vinogradova, No. 1. Grammaticheskie protsessy i sistemy v diahronii. Pamyati Andreyana Anatol'jevicha Zaliznyaka*. 2020. S. 182–197. (in Russ.)

Moshkova L. V. Kodikologicheskij analiz posol'skix knig konca XV — nachala XVI vekov: poisk metodiki [The codicological analysis of the embassy books from the late

XV — early XVI centuries: in search of a methodology]. *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v sovremennom nauchnom znanii. Materialy XXIX mezhdunarodnoj konferencii* [Auxiliary historical disciplines in the present day science, Proceedings of the XXIX international conference]. Moscow, 2017. S. 24–27. (in Russ.)

Moshkova L. V. Russkie posol'skie knigi: nachalo formirovanija [Russian embassy books: the origins]. *Velikoe stojanie na reke Ugre i formirovanie centralizovannogo Rossijskogo gosudarstaa: globalnye i lokalnye konteksty. Materialy vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem konferencii* [The standing on the Ugra river and the formation of the centralized Russian state: global and local contexts]. Kaluga, 2017, S. 232–249. (in Russ.).

Pen'kova Ja. A. O nekotoryx regionalnyx razlichijax sintaksicheskix strategij v delovoj pismennosti Rusi XV veka [On some regional markers of syntactic strategies in the Russian official style texts of the XV century]. *Pismenoto nasledstvo i informacionniete tehnologii: materialy ot V mezhdunarodna nauchna konferencija (Varna, 15–20.09.2014)*. V. A. Baranov, V. Zheljazkova, A. M. Lavrentiev (eds.). Sofia, Izhevsk, 2014. S. 297–300. (in Russ.)

Petrukhin P. V. K pragmatike sverhslozhnogo proshedshego vremeni v vostochno-slavjanskoj pismennosti [On the pragmatics of the hyperpast tense in the East Slavic writing]. *Wiener Slawistischer Jahrbuch. Neue Folge* 1, 2013. S. 74–98. (in Russ.)

Rogozhin N. M. *Posol'skie knigi Rossii konca XV — nachala XVII vekov* [The Embassy books of Russia from late XVI to the beginning of the XVII century]. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Science Publ., 1994. (in Russ.)

Sobolevskii A. I. *Istorija russkogo literaturnogo jazyka* [The History of Literary Russian]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. (in Russ.)

Stang Chr. S. *Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polock*. Oslo, J. Dybwad, 1939.

Stang Chr. S. *Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen*. Oslo, J. Dybwad, 1935.

Tomelleri V. S. Apostolskij simvol very (Symbolum Apostolorum) v cerkovno-slavjanskom perevode Dm. Gerasimova. Vvedenie. Interlinearnoe izdanie [The Apostolic Symbol of Faith (Symbolum Apostolorum) in the Church Slavonic Translation by Dmitry Gerasimov. Introduction. An Interlinear Edition]. *Vestnik Volgoradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie*. Vol 16. 2017. №4. S. 6–40. (in Russ.)

Tomelleri V. Zametki o dejatel'nosti Gennadievskogo kruzhka [Notes on the activity of Gennadi's circle]. *Russica romana*. Vol. 6. 1999. P. 11–27. (in Russ.)

Zaliznjak A. A. “*Slovo o Polku Igoreve*”: *vzgliad linguista* [“Slovo o Polku Igoreve”: a linguist's view]. Moscow, LRC Press, 2007. (in Russ.).

Zaliznjak A. A. *Drevnenovgorodskij dialect*. 2-e izd. [The Old Novgorod dialect. 2nd ed.] Moscow, LRC Publ., 2004. (in Russ.).

Zaliznjak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow, LRC Publ., 2008. (in Russ.).]

Zaliznjak A. A. Lingvisticheskie issledovanija [Linguistic investigations] In: Janin V. L., Zaliznjak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste iz raskopok 1984–1989 gg.*

[Novgorod birch bark letters from the excavations 1984–1989] Moscow: Nauka Publ., 1993. P. 191–321. (in Russ.).

Zaytsev I. V. *Velikoknjazheskie sluzhilye tatory v XV — pervoj polovine XVI veka i ix zemlevladienie v Moskovskom krae* [The Grand Ducal service Tatars in the XV — first half of the XVI centuries and their land tenure in the Moscow region]. Available at: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/jcrees/2013Osaka/14Zaytsevs.pdf> (date of access: 18.08.2019). (in Russ.).

Zimin A. A. *Formirovanie bojarskoj aristokratii v Rossii vo vtoroj polovine XV veka — v pervij treti XVI veka* [The formation of boyar aristocracy in Russia in the second half of the XV century and in the first third of the XVI century]. Moscow, Nauka Publ., 1988.

Zimin A. A. *Rossija na poroge Novogo vremeni. Oчерki politicheskoj istorii Rossii pervoj treti XVI veka* [Russia on the threshold of the New Age. (Essays on the political history of Russia in the first third of the XVI century)] Moscow, Mysl Publ, 1972. (in Russ.).

Zimmerling A. V. *Sistemy porjadka slov slavjanskix jazykov v tipologiceskom aspekte* [Slavic word order systems from a typological perspective]. Moscow, LRC Publ, 2013. (in Russ.).

Zimmerling A. Clitic Template and Discourse Marker TI in Old Czech. *New Insights into Slavic Linguistics. Series: «Sprach und Kulturkontakte in Europas Mitte. Studien zur Slawistik und Germanistik»*. Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2014. P. 393–406.

Zimmerling A. V. Dva dialekta ruskoj grammatiki. Korpusnye dannye i model [Two dialects in Russian grammar: corpus data and a formal model]. *Computational linguistics and intellectual technologies. Issue 17 (24). Proceedings of the international conference “Dialogue 2018”*. Moscow: Russian University of Humanities Publ., 2018. S. 818–830 (in Russ.).

Zimmerling A. V. Komu prospati zautrenja i loviti ryba? Imenitelnyj padezh dopolnenija infinitiva kak predmet grammaticeskogo opisanija [To sleep through Matins and to catch fish: the nominative of the infinitival object as a grammatical phenomenon] // *Die Welt der Slaven*. 2019a. No 2. S. 299–337. (in Russ.)

Zimmerling A. V. Sviazki pluskvamperfekta v rusском jazyke XIV — XVI vekov [Pluperfect auxiliaries in the Russian language of the XIV–XVI centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie*. 2019b. №4. S. 41–57. (in Russ.).